

Второй шанс

16+

Юрий Штаб

Юрий Штаб
Второй шанс

«Автор»

2019

Штаб Ю. А.

Второй шанс / Ю. А. Штаб — «Автор», 2019

К середине 21 века смертная казнь была отменена на всей планете. Остался последний человек, Виктор Иванчук, осужденный на казнь незадолго до запрета. Из-за этого вокруг него поднялся небывалый ажиотаж. Деятели шоу-бизнеса думают лишь о прибыли. Смерть, превращенная в шоу, принесет огромные доходы. Виктор в очередной раз видит ужасный лик сферы развлечений. Он ищет способ спастись... В его тюрьме стартуют съемки реалити-шоу «Второй Шанс». Проект сулит свободу победителю. Виктор, как человек знаменитый, должен стать главной приманкой для зрителей. А сумеет ли он сам благодаря шоу избежать казни?

© Штаб Ю. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1. Вступление	5
2. Воспоминания	8
3. Знакомство с Андреем Тарасовым	15
4. Адвокат Меренков	24
5. Шоу	38
6. Кредиты	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

1. Вступление

Я зашел в камеру и дверь захлопнулась. Прогулки по тюремному двору оставались чуть ли не последним моим развлечением. Конечно, под рукой всегда был интернет, но я и до заключения им не злоупотреблял, а теперь, лишившись привычной свободы передвижения, вынужден был проводить там большую часть свободного времени. Я полгода не видел никого из близких, собственно говоря, с тех самых пор, когда мой компьютер подключили к глобальной сети. Все попытки объяснить тюремному руководству, что я хочу общаться вживую не дали результатов.

– Иванчук, ты меня уже достал. Каждый раз дождавшись встречи, ты требуешь одного и того же, хотя прекрасно знаешь мой ответ. Тебе что, нравится биться головой об стену? Общайся онлайн. Для чего тебе веб-камеру поставили?

Я вздохнул – начальник тюрьмы не был жесток, он просто действительно не понимал, почему я требую личных встреч с семьей.

– Да какая тебе разница? Есть интернет – общайся с кем хочешь. Или думаешь, что ты особенный? В тюрьме каждый именно так контакты с близкими поддерживает, а ты не можешь? У меня здесь все заключенные равны, сам знаешь.

Но тут и я завелся:

– Ну уж нет, Андреевич. Раз я дождался своей очереди на аудиенцию, то давайте общаться. Все-таки за месяц записывался.

Начальник тюрьмы Павел Андреевич – невысокий крепкий мужик, лет слегка за пятьдесят. Он ветеран самых разных военных конфликтов, у него несколько ранений, полная седина шевелюра и заметный шрам на скуле. Говорят, что на зоне с ним почти никто не решается спорить, кроме вот, например, меня. Мне терять особо нечего.

– Поймите, остальные заключенные свои семьи еще увидят, а я нет.

– Все, дискуссия окончена. Может быть перед казнью и организую вам одну встречу, но не сейчас. У тебя еще какие-нибудь вопросы ко мне есть? Нет? Вот и хорошо. Конвой, ведите его обратно в камеру.

Вернувшись в камеру, я берусь за гантели. Шесть месяцев регулярных тренировок дают свои результаты – никогда я еще не был в такой хорошей физической форме. Занимаюсь долго и упорно, хотя, казалось бы, что в моей-то ситуации у человека должны непременно опуститься руки. Я тренировался с тех пор, как повзрослел и даже сейчас не отказываюсь от старых привычек. Приятно ведь сознавать, что ты хорошо выглядишь.

Первые две недели заключения прошли как во сне – я целыми днями сидел на кровати, пялился в стену напротив, ел, не ощущая вкуса пищи и вздрагивал от каждого шороха. Со временем оцепенение прошло и после долгих споров с администрацией мне удалось заполучить набор штанг и гантелей – отныне я мог вести почти прежний образ жизни, тем более что условия содержания были гуманны. Странно, что в заключении человек получал очень комфортные апартаменты, зачастую куда более комфортные, чем мог себе позволить на свободе. Получается, чтобы жить с удобствами, нужно сначала совершить преступление.

Камеру мою отличало не только удобство, но и уют – просторная комната, высокий потолок, большие окна, пушистый ковер на полу. Даже окна на зарешечены, но за ними следили снаружи, а сами стекла были бронированы.

От скуки лезу в интернет. Имя свое я теперь вижу здесь заметно реже – на форумах сейчас обсуждают другие актуальные темы. Что же – любая слава постепенно идет на спад. Усмехаюсь – воистину о своей славе я никогда не мечтал. Куда теперь? Проверю, пожалуй, почту. В почтовом ящике как обычно куча новых поступлений, но все же их тоже со временем стало меньше. Люди, слава богу, больше не заваливают меня тысячами писем на десяти разных

языках. Мало кому из них приходит в голову мысль о том, смогу ли я хотя бы прочитать их послание без помощи переводчика. Читаю спам – его тоже много приходит. Так – похудеть, заработать, выучить любой язык за два месяца – это все стандартно.

Открываю очередное письмо. На весь экран разворачивается рекламный ярко-красный баннер, который буквально вопит огромными буквами: «ХОТИТЕ ПРОЖИТЬ 150 ЛЕТ?!?!?!». Чуть ниже, более мелким текстом идут подробные объяснения: «Наша уникальная технология поможет вам в этом...» Читать дальше уже выше моих сил, так как меня разбирает хохот. От смеха я в прямом смысле слова чуть не падаю с кресла. Ко мне озабоченно заглядывает надзиратель – уж не сошел ли я с ума? Он уверен, что поводов искренне смеяться у меня даже быть не может. Да я и сам до сих пор иногда так думал. Успокаиваюсь, усаживаюсь поудобнее. В письме указан электронный адрес отправителя и даже мобильный телефон. А что, пожалуй, позвоню, наверное, получится смешно. Телефон отзывается приятным женским голосом:

– Добрый день! Это медицинский центр «Минерва», я слушаю вас.

– Добрый день, девушка! Ваш центр поможет мне прожить 150 лет?

– Разумеется, вы ведь знаете, что человеческое тело способно прожить гораздо дольше, чем это обычно бывает. Мы сами себя убиваем!

– Меня скорее другие люди планируют убить. А гарантии у вас есть? Если не поможет, я к вам с того света во снах являться буду – еще пожалеете!

– Давайте попробуем, у нас с вами обязательно получится!

От души смеюсь над этими стандартными фразами. Судя по всему, в мои визиты с того света она не верит. Хотя, зная суровые законы менеджмента, понимаю, что они и с мертвецом бы контракт заключили, если было бы выгодно. Ну а что такого – месячные и квартальные планы нужно выполнять любой ценой. Кто же этого не знает?

– Хорошо, девушка, вы меня убедили, думаю, мне стоит прожить 150 лет.

– Разумеется, стоит! Не отказывайте себе в долголетьи и благополучии! В какой день вам будет удобно прийти к нам на прием?

– А может вы ко мне? А то меня, знаете ли, не пускают.

– Кто же вас так сдерживает?

Голос у моей собеседницы просто замечательный – очень приятный и мелодичный, а вопрос она задала с неподдельным интересом, прямо как в разговоре со старым другом.

– Да разные завистливые козлы в казенной форме. Им зарплата не позволяет посещать ваш центр, вот они из зависти и меня не пускают. Думаю, они не хотят, чтобы я прожил полторы сотни лет.

Надо отдать девчонке должное – она быстро схватила суть. Я думал, что она бросит трубку, сочтя мои слова глупой шуткой или откажет в помощи, оценив невозможность заполучить меня в пациенты, но не тут-то было. «Максимум внимания любому клиенту!» – или чему их там учат на тренингах по продажам?

– О-о-о, это не проблема! Наш центр сотрудничает и с тюремными больницами, так что вам никто не помешает укрепить свой организм даже находясь в заключении. Надеюсь, вас осудили не на 150 лет и вы сможете насладиться своим обретенным долголетием на воле?

– Одно скажу точно, мне предстоит сидеть недолго.

– Без сомнения, лучше начать оздоровление организма уже сейчас! Чем раньше вы начнете курс реабилитации, тем больше вы будете впечатлены результатами! Как вас зовут и в какую тюрьму нам следует направиться, что бы встретиться с вами?

– Меня зовут Виктор Иванчук.

Телефон озадаченно умолк. Могу собой гордиться – не так и легко привести в замешательство рвущегося к выполнению плана торгового агента.

– Вы Виктор Иванчук? Тот самый?

– Да, это я.

– Виктор, столь важными клиентами занимается сам руководитель нашего центра, я немедленно отправлюсь к нему, и он вам перезвонит. Можно сохранить этот номер телефона?

– Да, разумеется. Жду звонка!

– До свиданья, Виктор! Мы с вами обязательно свяжемся!

Завершаю разговор и снова смеюсь. Позвонил я точно не зря – по крайней мере повеселился от души. Наверняка она так быстро попрощалась, потому что не знала, что мне сказать. Интересно, они мне действительно позвонят? Как можно помочь человеку прожить хотя бы лишний год, если он осужден на смерть?

Я последний на Земле человек, которому вынесли такой приговор. Сейчас, когда у нашей цивилизации за спиной накопился внушительный багаж опыта, можно свысока оглянуться назад и увидеть, что законодательную систему в этом вопросе всегда бросало в крайности. Людей то казнили за мельчайшие преступления, за которые по современным меркам можно отделаться штрафом, то вовсе не применяли казнь как наказание. Последнее объяснялось совсем не гуманностью (осужденному могли вырвать ноздри, выколоть глаза или отрезать уши), а скорее соображениями экономики – изуродованный человек вполне мог трудиться на каторге, а от трупа такого ждать, разумеется, не приходилось.

В конце двадцатого и начале двадцать первого веков от казни отказалось подавляющее большинство государств и казалось, что скоро объявят какой-нибудь всемирный мораторий на высшую меру наказания, но потом чаша весов качнулась в обратную сторону. Несколько особо жестоких террористов и серийных убийц убедили общественность в том, что отменять подобную практику пока рано. Так казнь триумфально, хоть и ненадолго, вернулась в законодательства многих государств, которые, как казалось, давно и окончательно с ней распрощались. Но это возвращение было, видимо, последним. Правительства всех стран старались снизить уровень преступности и во многом преуспели – к середине двадцать первого века палачи вновь оказались без работы. Окончательно отказались от такого наказания не так давно и мой процесс стал последним, по которому вынесли смертный приговор.

В Интернете записи суда были очень популярны. Славу подогревало еще и неоднократное использование моего лица или имени в самой разнообразной рекламе, причем без моего согласия. Видать компании, решившие сыграть на моей известности, рассудили, что человеку, осужденному на смерть, уже все безразлично. Что только не пытались впарить телезрителям, убеждая их, что сам Виктор Иванчук одобрит подобный выбор. Всего и не перечислить. В действительности же Виктор Иванчук, узнав о такой эксплуатации своего имени, связался с адвокатом для урегулирования этой ситуации. Последний хоть и не смог добиться для меня приемлемого приговора, но в вопросах авторских прав разбирался хорошо и быстро перекрыл дармовой вентиль. Мне принесли публичные извинения, и на этом дело могло и заглохнуть, но не тут-то было. Терять такую популярную фигуру рекламщики не хотели, поэтому вскоре мне позвонил адвокат и сказал, что мне предлагают солидную сумму денег за продажу прав для использования моего образа в рекламе. Очень настойчиво советовал не отказываться. Не исключено, что и ему пообещали внушительную премию, если он меня уговорит, но все его усилия были напрасны – не хватало еще, чтобы на моей скорой гибели грели руки бизнесмены.

Вот уже полгода власть предержавшие не спешат отправить меня в мир иной, затягивая процесс всевозможными комиссиями, но приговор остается неизменным. Заодно никак не могут определиться с тем, как же я должен расстаться с жизнью. На форумах тема все еще не потеряла актуальности – обсуждают многое: как казнят, будут ли брать у меня интервью, выполнят ли последнее желание, что сделают с телом после казни, ну и конечно, будет ли прямая трансляция. Большая часть пользователей сходится на том, что казнь просто обязаны показать в прямом эфире, а вот насчет способов разгорелись жаркие дебаты. Периодически читая эти дискуссии, я не перестаю поражаться человеческой изобретательности.

2. Воспоминания

День плавно подходит к концу, так что пора бы ложиться спать. Перед сном я всегда задавался вопросом: а сколько же мне еще осталось жить и не казнят ли меня этой ночью? Кто знает, может самый правильный способ уже найден. Говорят, раньше осужденные иногда могли дожидаться казни годами. Сон не идет ко мне и я продолжаю бродить по медицинским сайтам, где и натыкаюсь на один очень интересный рекламный баннер. Яркими красками он превозносит достоинства корсета для лечения позвоночника и мне вспоминается момент из свободной жизни...

Тогда я искал работу и пришел на собеседование в небольшой офис, затерявшийся в недрах огромного бизнес-центра. Меня встретила девушка, представилась Альбиной и начала задавать вопросы:

– Виктор, у вас есть опыт работы в торговле?

– Да, присутствует.

– Очень хорошо. Расскажу вам о специфике нашей деятельности. Мой отдел занимается вторичными телефонными продажами медицинской аппаратуры – это означает, что человек уже что-то покупал в нашей компании. После покупки он заполнил анкету, куда внес основную информацию о себе – паспортные данные, контактный телефон и сведения о болезни. Задача наших сотрудников очень простая – нужно позвонить человеку и предложить ему медицинское оборудование.

– Какое?

– Это зависит от того, что написано в его карточке. Процесс давно налажен. У нас есть таблицы, по которым можно проследить при каких заболеваниях какое оборудование следует предлагать. То есть ваш разговор будет выглядеть примерно так: «Добрый день, Николай Андреевич. Вас беспокоит доктор Ковалёв, я профессор ортопедии и периодически консультирую клиентов оздоровительного центра, в который вы обращались. Я внимательно изучил вашу историю болезни и могу точно сказать, что вам кроме массажера нужен также специальный корсет – это новая разработка, в аптеках таких еще нет». Дальше рассказываешь о преимуществах нашего товара, подчеркиваешь, что массажер и корсет особенно эффективны в паре и все – дело сделано.

– Но я ведь не профессор Ковалёв и не специалист в ортопедии, как я могу, не видя человека, ставить ему диагноз? Даже опытный медик не сможет подобрать лечение больному по телефону.

– Бояться не нужно. Твой собеседник никогда тебя не увидит, так что отсутствие врачебного диплома ничего не значит. Перед твоими глазами будут стандартные тексты, там вся информация о товаре и даже в общих чертах набросан ваш диалог – они часто проходят по схожему сценарию. Тебе останется только убедить человека. Вот здесь придется проявить немножко обаяния и настойчивости. Если ты вдруг запнулся, ступешался или же не знаешь что сказать, то всегда можно бросить трубку. Потом перезвонишь и скажешь, что связь оборвалась. Как видишь в нашей работе ничего сложного. И еще очень важно – нужно уделять внимание каждой анкете, нельзя пропускать ни одного клиента. Приведу простой пример – лежала у нас анкета, за которую никто не хотел браться. Супружеская пара, пенсионеры, денег нет – ну что с них взять? Но один из наших ребят взялся за дело и продал им оборудования на десять тысяч евро.

Я просто ошеломлен озвученной цифрой. Альбина триумфально улыбается:

– Удивлен? Я тоже удивилась, когда ему это удалось. Не нужно их жалеть – покупатели это люди, которые приносят тебе деньги.

– Они что, продали свою квартиру?

– Дом. У них, кроме квартиры, был еще частный дом и они его продали, чтобы купить предложенную аппаратуру. Твоя зарплата – это процент от суммы проданного, так что есть смысл постараться, сам понимаешь. Деньги мы все зарабатываем очень приличные – это тебе не на заводе горбатиться. Ну, подробнее увидишь все завтра своими глазами. Мы начинаем работу в девять и ждем тебя. Коллектив у нас дружный, так что до завтра. И не опаздывай!

Я прощаюсь и выхожу. Альбина удивительно быстро перешла с «вы» на «ты», надо полагать, мысленно уже видела меня своим сотрудником. Нет, такая работа не для меня.

На тот день я запланировал еще несколько собеседований. Для того чтобы попасть на следующее нужно было просто спуститься на два этажа вниз. Спускаюсь, захожу в офис, испытывая чувство дежавю – такая же дверь и планировка, даже интерьер весьма похож на предыдущий. Блин, хорошо еще, что у меня номер офиса записан – визуально отличить я бы их точно не смог. Здесь меня тоже встречает девушка – молодая и симпатичная, но, по крайней мере, не копия Альбины, и на том спасибо.

– Доброе утро, – она улыбается и приглашает меня присесть.

Здоровуюсь, представляюсь, соглашаюсь с ее предположением, что пришел в поисках работы и претендую на должность торгового представителя. В глубине души ожидаю традиционной неприятности – мне предложат освободить для ознакомления с работой весь следующий день. А там доверят сумку с косметикой и отправят приставать к окружающим, на предмет приобретения чудодейственных препаратов, которые они имеют шанс купить в два раза дешевле, чем в аптеке.

Как ни странно, но чудеса случаются – этой фирме действительно нужен торговый представитель. Я повторяю то, что уже говорил по телефону – права, авто и опыт работы в торговле есть, после чего интересуюсь условиями работы.

– У нас все очень просто: зарплата – это небольшая ставка плюс процент от продаж. Также присутствуют премии за выполнение месячных и квартальных планов и, конечно, компенсация расходов на горюче-смазочные материалы.

– Хорошо, это подходящие условия, а как насчет графика?

– График работы с восьми утра до восьми вечера. В начале дня все работники приезжают в офис, отмечают и едут в свои районы. Целый день вы на маршруте, а к шести-семи часам приезжаете обратно, вносите данные о проделанной работе, заполняете отчеты, потом небольшое собрание, где подводят итоги рабочего дня и уже в двадцать ноль-ноль вы свободны.

– Понятно, а выходные?

– Это торговля. У продаж нет выходных, вы же знаете. К тому же, после отдыха так трудно влиться опять в рабочее русло. В воскресенье иногда можно уйти на пару часов пораньше. Конечно, если у вас есть какая-то уважительная причина, то выходной вам дадут. Никто не погонит вас на работу с температурой.

– Да, разумеется. А как насчет отпуска?

– Отпуск можно взять за свой счет, но представьте ситуацию – у вас есть свой район, где вас все знают, в каждом магазине налажены коммуникации. Вам отлично известно, как и с кем договориться и у кого какой характер. То есть ваша работа максимально эффективна, а пока вас не будет, на ваших «точках» будут работать другие торговые, то есть эта территория будет временно разделена. Когда вы вернетесь, то придется наводить порядки, вникать, кто из коллег где работал, о каких поставках договорился. Короче, опять включаться в трудовой процесс, а после отдыха это будет крайне тяжело. Поверьте, эта особенность давно замечена, я говорю это, исходя из долгих наблюдений. Вы устанете еще больше, как будто и не отдыхали. Я думаю, вы и сами не захотите в отпуск.

– Да, действительно, зачем мне такие каникулы. Я как-то и не подумал. Хорошо, я узнал все что хотел.

Девушка положила мою анкету в папку и сказала:

– Я менеджер по персоналу, но окончательное решение о приеме на работу остается за супервайзером, ведь вам работать в его команде. Я сегодня вечером передам ему ваши данные и он пригласит вас на более детальное собеседование.

Я встаю из кресла, прощаюсь и выхожу. Тогда я еще не очень хорошо знал английский, к тому же страдал от недостатка свободного времени, чтобы заняться его изучением. Только намного позже, оказавшись взаперти и выучив этот язык досконально, я задался вопросом – что же означает слово «супервайзер»? Теперь оно подразумевает административную должность, а на самом деле у него несколько переводов, в том числе и «надсмотрщик», «надзиратель». Мне эти варианты кажутся наиболее точными. Надсмотрщик хорош там, где есть рабство. А как еще назвать предложенную мне только что работу? Как я узнал впоследствии, большая часть торговых представителей работала по схожему графику.

Впрочем, от судьбы не убежишь. Она настигла меня через несколько дней после описанных событий, на очередном собеседовании. Все происходило так, как я и предполагал – обещание карьерного роста, дружный коллектив, перспективная и быстроразвивающаяся компания, предложение освободить целый день для ознакомления с работой. Наступает утро – я в сопровождении инструктора с большой сумкой в руках шагаю по городу. Инструктор – это тоже молодая девушка по имени Аня, веселая и разговорчивая. Ради интереса я немного погулял с ней по больнице, которую она избрала местом своей охоты.

Суть деятельности неоригинальна – продавец заходит в каждую дверь, здоровается, широко улыбается, настойчиво предлагает свой товар. Его в ответ просят уйти и не мешать, прощаются, выгоняют, посылают. Он соглашается, кивает, улыбается, но остается и дальше рекламирует продукцию. Профессионалы прямого сбыта. Думаю, никто не может похвастаться тем, что смог быстро выгнать такого гостя, если не применял физическую силу. Мы с Аней выходим из десятого по счету кабинета – в трех ей улыбнулась удача, в остальных нет. Где-то отказывались вежливо, а кое-где нахамили. Впрочем, моей спутнице, похоже, все нипочем.

– Вот так и живем. Все время на ногах, постоянно в движении. Да, иногда бывает тяжело, зато знакомишься с новыми людьми, а когда научишься вот так продавать, как я, то и усталости не будешь чувствовать. Тебе такая работа нравится?

Интересно, какого ответа она ждет? «Да, очень»? Я отвечаю правдиво:

– Нет, Аня. Такая работа не для меня.

Мою новую знакомую ничто не может расстроить, тем более, таких отказов она тоже, наверняка, выслушала немало.

– Ну что же. Этот бизнес подходит не для всех. Я хочу пожелать тебе удачи в поисках другой работы, думаю, у тебя все получится.

Непробиваемый оптимизм. А может непроницаемая маска равнодушия. Что под ней? Неважно – мы вряд ли с ней еще когда-нибудь увидимся. Но напоследок у меня к девушке есть еще один вопрос.

– Тебе тоже удачи, Аня. Слушай, в объявлении было указано, что иногородних ваша фирма обеспечивает жильем. Это правда?

– Да. Я и сама приезжая, но уже почти год живу здесь и работаю в этой компании. Среди моих коллег много не местных.

– Понятно. Живете в капсульном отеле?

Она улыбается и кивает:

– Да, а как ты догадался?

Я пожимаю плечами:

– Интуиция. Прощай.

Расставшись с Аней, я бреду по городу и прохожу мимо здания, в котором также находится капсульный отель. Это, кстати, уже четвертый в нашем городе. Их вообще становится с каждым годом все больше. Примерно в таком же живут и агенты прямых продаж. Что нахо-

дится внутри мне и так известно. Общая кухня и столовая, такие же туалеты и душевые – аналогия со студенческим общежитием. Сами «номера» со стороны выглядят как вмонтированные в стену одинаковые маленькие двери в два или три яруса высотой – аналогия с моргом. Разница только в том, что в этом заведении люди сами себя хоронят, да еще и радуются, что так ловко устроились.

Сложно удержаться от сравнений «тогда» и «сейчас». Тогда я еще не попал за решетку и не знал, что конура в два метра длиной, метр шириной и метр высотой в тюрьме называется карцером. По тюремным меркам считается довольно суровым наказанием, а вот по оценкам свободных людей это «современный, стильный и уютный отель в стиле европейского минимализма». Это фраза из какого-то рекламного буклета. На сайтах подобных отелей можно увидеть бесконечную вереницу восхвалений, посвященных этому способу проживания. Такие понятия, как простор или комфорт уступают место компактности и эргономике, но в первую очередь – экономии. Надо отдать им должное – они оказались весьма конкурентоспособны на рынке аренды жилья. Снимать такой номер заметно дешевле, чем обычную квартиру или даже комнату. Я лишь раз останавливался в капсульном отеле, когда по делам срочно уехал в чужой город, а забронировать номер в гостинице уже не успел.

От стойки администратора можно было пройти прямо и попасть в столовую и на кухню или же свернуть налево – в жилой корпус. Я выбрал второй вариант и через несколько секунд шагал вдоль длинной вереницы «номеров» отыскивая свой. Капсулы стояли несколькими массивами, между которыми оставались проходы достаточно широкие, чтобы смогли разминуться два-три человека. В этом отеле капсулы располагались в четыре яруса, о чем я знал заранее, и меня очень интересовало – как же нужно забираться на верхние полки? Все оказалось очень просто. Никаких акробатических талантов демонстрировать не пришлось, доступ к двум верхним рядам облегчала галерея, тянувшаяся вдоль каждого массива на уровне между вторым и третьим этажом. По периметру помещения находились пронумерованные шкафчики для хранения личных вещей.

Я быстро отыскал нужную капсулу и забрался внутрь. Не так и плохо для кратковременной остановки. Упругий матрас, удобная подушка, пластиковые стены, температуру и освещение можно регулировать. Дверца, впусившая меня в недра, снабжена окном, покрывающим большую часть ее площади. Впрочем, на окошке есть жалюзи, так что можно отгородиться от остального мира и почувствовать себя членом экипажа космического корабля. Также в номере есть две удобные полочки, зеркало, розетка, ну и телевизор, конечно.

Минут пятнадцать я провалялся, давая отдых уставшим ногам, а затем откуда-то сверху зазвучал бодрый голос, рекламирующий стиральный порошок. Минут пять я терпеливо ждал, когда же эта мешанина звуков прекратится, но напрасно. Звуковая волна накрывала с головой, лишала возможности отвлечься и думать о чем-нибудь другом, кроме навязываемых товаров. Один рекламный ролик сменялся другим и конца-края этому не было видно. Радио кто-то включил, что ли? Звукоизоляция просто ни к черту! Пришлось выбраться наружу и отправиться на поиски источника шума. В нескольких местах под потолком я обнаружил работающие колонки. Поднявшись на галерею, я подобрался совсем близко к одной из них, но как их выключить так и не понял – ни кнопок, ни регуляторов громкости не было. Тут в жилой корпус зашел еще один постоялец и, судя по всему, очень удивился, увидев меня, стоящего вплотную к колонке.

– Тебе что, из номера плохо слышно?

– Да нет, просто пытаюсь понять, как она вырубается.

Он подошел ко мне. Я думал, он хочет помочь, но нет – просто его капсула находилась рядом. Он открыл дверь, бросил внутрь ноутбук, обернулся и спросил:

– А давно она орет?

Нам приходилось довольно сильно напрягать голосовые связки, чтобы услышать друг друга.

– Да уж минут десять.

Он махнул рукой:

– Сейчас замолкнет.

Колонка, как по волшебству, утихла. Я изумленно смотрю на него и он начинает смеяться:

– Как видишь, я здесь главный шаман, ответственный за работу всей электроники. Управление осуществляю по мановению руки, а на выходные и по праздникам усилием мысли. Ну а если серьезно, то это рекламный блок. Он автоматически включается каждый час на десять минут.

– Что, и ночью?

– Нет, в одиннадцать вечера последний выпуск. Ты впервые здесь?

– Да, сегодня заселился. А ты?

Мы спустились по лестнице с галереи и прошли мимо двух дверей. Одна из них, судя по табличкам, вела в душевую, вторая в туалет. Мой новый знакомый представился Олегом и предложил показать, где находится столовая.

– Я приехал три дня назад, но в капсульных отелях живу уже пару лет, так что успел изучить местные порядки. Рекламный блок – это обычная практика. Как-то раз, в одном отеле я видел еще и рекламные дисплеи на потолках капсул.

– Это как?

– Очень просто. Внутри номеров есть датчики, которые улавливают наличие человека и на время трансляции рекламного блока включают такой экран, так что ты не только слушаешь информацию, но можешь и увидеть предлагаемый товар. В самом скором будущем посетителей капсульных отелей ждет еще одно нововведение – сенсорные экраны!

– Ну, сенсором сегодня вряд ли кого-то удивишь... – пробормотал я. – Да и какой в нем смысл, ты ведь все равно смотришь лишь то, что тебе показывают.

– Вот именно для этого подобные экраны и нужны. Человек может выбрать любой товар из проносящихся на дисплее и заказать его буквально двумя касаниями пальцев. В течение ближайшего года все капсульные отели оснастят подобной системой.

Мы зашли в столовую. Комната может вместить одновременно всех жителей этажа. Каждый столик рассчитан на двоих, но стулья стоят строго с одной стороны, что объясняется большим телевизором на стене, который конечно будет неудобно смотреть, если сесть к нему спиной. Вот здесь-то реклама крутится непрерывно. Впрочем, громкость звука средняя, так что общаться можно.

– Слушай, Олег, а здесь кражи не случаются? А то ты так спокойно ноутбук бросил.

– Насколько я понимаю, замки здесь надежные, но на всякий случай в жилых помещениях стоят камеры наблюдения. Неужели не заметил?

Мы сели ужинать. Олег работал «менеджером по человеческим ресурсам» в крупной торговой сети. Он уже два года колесил по стране от одного магазина к другому: подбирал персонал на торговые точки, проводил тренинги. На безымянном пальце у моего собеседника кольцо.

– Олег, ты женат?

– Да, – он довольно улыбнулся. – Уже три года. У меня сын есть. Денисом зовут, как и моего отца.

– И ты все это время не был дома? А как же жена, ребенок? Ты их ни разу не видел?

Олег развел руками:

– Ну, а в чем проблема? Не в каменном же веке живем. Телефон, видеосвязь, почта. Сын еще слишком мал, не понимает пока что, как с папой общаться, а вот с женой почти каждый день созваниваюсь, если работы не слишком много. Да я уже привык.

– Так на выходные бы домой смотался. За пару дней успеть можно.

Олег несколько снисходительно улыбнулся:

– Сразу видно, что ты не в торговле работаешь. Это же непрерывный процесс, как конвейер, понимаешь? У продаж не бывает выходных, тут нельзя выпасть из ритма.

– Ваши магазины без выходных работают?

– Конечно!

– А продавцы?

Олег покачал головой:

– У них стандартная в наше время шестидневка. Хотя, если работник стремится к более высокой цели, чем должность обычного продавца, то есть смысл отказаться от этого вечного тормоза карьеры, который именуется выходным. Работать семь дней в неделю не запрещено.

– Это премируется?

– Да, но не деньгами, а чем-то куда более ценным – хорошим отношением. Если человек искренне увлечен своей работой и по-настоящему является патриотом своей компании, то это сразу видно. Такого сотрудника берут на заметку и в будущем у него есть шанс пойти на повышение.

Олег приложился к стакану, смачивая пересохшее от долгого разговора горло, а затем продолжил:

– Да, руководящему составу, приходится сложнее, но это того стоит. Я, чтобы занять нынешнюю должность, в свое время пахал как проклятый в течение трех лет, вот начальство меня и оценило.

Интересно, как он умудрился обзавестись семьей при таком полном погружении в работу? Еще более интересно, зачем он вообще стал ею обзаводиться.

– Ну а директора магазинов тоже работают каждый день?

Олег поморщился:

– Это не совсем корректный термин, правильнее будет сказать – администратор.

Произнесено было с легким благоговением. Не иначе, такой акцент на слове выработался у него уже подсознательно. Я так и видел, как он вещает продавцам на тренингах: «Если будете ответственно и беззаветно работать, отрекшись от выходных, и неустанно заботиться об интересах компании, то в будущем сможете стать АДМИНИСТРАТОРАМИ!» Мне, правду сказать, не удалось уловить разницу в терминологии, но я решил не перебивать и Олег продолжил:

– Конечно, они работают ежедневно. Это ведь люди ответственные за все процессы, протекающие в магазине. Они должны быть в курсе всего, что там происходит. Контроль, контроль и еще раз контроль. Если работник не готов полностью отдавать себя любимому делу, то выше простого продавца ему в жизни не подняться, – Олег решительно взмахнул рукой, тем самым отметая даже призрачную возможность пойти на повышение для сотрудника, который не всецело увлечен своей работой.

– Да, в таком темпе семьей не обзавестись. Наверное, успешную личную жизнь сотрудникам приходится организовывать прямо на работе, – заметил я.

– Ты чего? Никаких интимных связей между работниками фирмы. Следить за этим также является в обязанности администратора магазина.

– Администратор на своей точке, как я посмотрю, просто царь и бог. Ну уж ему-то никто не может помешать завести служебный роман.

Олег хитро улыбнулся:

– Конечно, не может, но только это первый шаг по дороге неизменно ведущей к увольнению. Скрывать служебный роман вечно никому еще не удавалось, а до более высокого началь-

ства информация рано или поздно обязательно дойдет. Ведь любой продавец мечтает стать администратором, а для этого нужно, чтобы появилась вакансия, сам понимаешь. Заодно есть шанс показать руководству свою приверженность принципам компании. Хотя периодически все равно находятся импульсивные люди, у которых гормоны берут верх над разумом. Идиоты, что скажешь. Вот так глупо идут на поводу у эмоций и в результате теряют замечательную работу.

Олег немного помолчал, а затем перевел разговор в другое русло:

– Кстати, в этом отеле я уже останавливался полгода назад и некоторых местных старожилов помню. Вот ребята сидят – видишь?

Он показал рукой вперед. Там за соседними столиками сидело два парня и оба оживленно печатали на ноутбуках.

– Вот они уже давненько тут живут, – продолжал Олег. – Меня узнали и приняли как старого друга. Так часто бывает у тех, у кого работа связана с переездами. Здесь тебя помнят и там знают. Иногда приезжаешь в новый город, в котором ни разу не был, но встречаешь знакомых, с которыми жил в одном отеле на другом конце страны. Вот так и обрастаешь новыми связями, зачастую весьма полезными.

– Интересно, с кем эти ребята столь рьяно переписываются? – спросил я.

– Скорее всего, друг с другом, – ответил Олег. – Не удивляйся, у них это обычная форма общения. Они так часто делают.

– Да, действительно, – согласился я. – Зачем же напрягать голосовые связки.

Мы доели и мой собеседник убежал, сказав, что дел еще много. Мы провели в столовой минут двадцать. Все это время передо мной за одним из столиков одиноко сидел парень и смотрел телевизор, хотя там, кроме рекламы пока ничего другого не показывали. Я подошел, плюхнулся на соседнее с ним кресло. Никакой реакции – он по-прежнему зачарованно глядел вперед. Еда на подносе оставалась нетронутой. Я прикоснулся к его плечу и только тогда он повернул голову. Кивнув в сторону телевизора, я спросил:

– Интересно?

– Что? А... нет, я так просто, смотрю...

– Ну да, не буду отвлекать. Приятного аппетита.

Я встал и ушел, заметив краем глаза, что мой собеседник опять уставился на экран. Ну что же, можно спокойно отдохнуть в номере. Это я тогда так думал. Все оказалось немного сложнее. Наступил вечер и местные жители стали возвращаться домой. Кто-то где-то стучал по клавишам ноутбука, кто-то ворочался и кашлял, два человека в соседних капсулах даже переговаривались через стенку. Разделительные перегородки из тонкого пластика оказались просто великолепной идеей. Они сэкономили деньги и на стройматериалы и на динамики для рекламного блока, которые не приходилось монтировать в каждый номер. А на ресепшене ведь предлагали силиконовые беруши, совсем недорого, но по неопытности я их не взял. Зато у меня с собой были классные наушники, которые гасили почти все внешние звуки. Я надел их и вскоре заснул. Утром я покинул отель в твердой уверенности, что в подобные заведения меня больше ничем не заманят.

3. Знакомство с Андреем Тарасовым

Я проснулся поздно, что редко бывало со мной в тюрьме. Мне снился странный сон – я и мои друзья хотим казнить преступника, но не желаем делать это сами. Мы стоим на берегу реки, осужденный на коленях молится, повернувшись лицом к воде, а мы торгуемся с палачом, упрямо споря из-за грошей. Палач требует лишь немного больше того, что мы ему предлагаем – доплатить для нас не проблема, но дело в принципе. Спор длится долго, хотя цена вопроса – копейки, а в двух шагах стоит человек и готовится расстаться с жизнью. Он, конечно, все слышит, но даже виду не подает. Наверное, такое показное хладнокровие ему нелегко дается.

С утра я сижу, уставившись в какой-то новый фильм. Мне скучно и я не знаю, чем заняться. Мою меланхолию прерывает телефонный звонок.

– Добрый день, Виктор. Это управляющий медицинского центра, вы вчера звонили нам...

– Совершенно верно! Вы готовы помочь мне прожить еще каких-нибудь 120 лет?

– Нет, мы вынуждены отказать вам в наших услугах.

– Это еще почему, позвольте спросить?

Мой насмешливый тон явно действует человеку на нервы – голос его становится резче.

– Дело в том, что вы человек очень известный и неизбежно все узнают, что вы пользовались услугами нашей компании, а ваша смерть может плохо сказаться на нашем имидже.

– Но ведь это будет смерть насильственная и явно не по вашей вине!

– Это не меняет ситуацию. Вы ведь скоро умрете, а наши клиенты не могут себе этого позволить. Прощайте.

Он повесил трубку. Козел! Я встал и заходил по камере туда-сюда – было глупо рассчитывать, что они возьмутся за такого клиента, но мог бы отказать и более вежливо. Пришло время завтрака, в столовой шел кратковременный ремонт, поэтому пока что все ели в камерах. Охранник принес еду и остался поболтать:

– Вчера по Первому каналу ток-шоу крутили. Обсуждали – корректно ли транслировать смертную казнь в прямом эфире.

Я усмехнулся. Прогресс шагнул вперед – раньше желающим полюбоваться столь изысканным развлечением приходилось топтать на улице, толпиться на площади у помоста, толкаться локтями и вытягивать шеи. Теперь нет необходимости даже с дивана подниматься, достаточно нажать пару кнопок и картинка уже перед глазами.

– Ну и к какому решению пришли?

– Да ну там долго спорили, всего и не перескажешь, поищи запись в интернете.

– Игорь, я не хочу в интернете! Тебе сложно самому рассказать?

– Не обижайся, Витек. Я не успел даже половину посмотреть – был занят вечером.

Я кивнул головой.

– Кстати, у меня есть и хорошие новости – возможно шеф разрешит тебе увидеть семью перед казнью. Ну ладно, я пойду, сам понимаешь – служба не ждет.

Он уходит, а я остаюсь и думаю, а хочу ли я увидеться с родными. С одной стороны я мог об этом пока только мечтать, а с другой – их визит будет означать, что смерть близка.

Сажусь в кресло и снова включаю компьютер. Нахожу какой-то боевик – сюжет интересный, но без рекламы, понятное дело, никуда. Все главные герои очень демонстративно пользуются мобильными телефонами одной и той же фирмы и конечно курят одинаковые сигареты. Лучше бы рекламу сигарет не запрещали – ее можно было бы перемотать, а так от нее уже не избавиться. Не могу не восхититься изобретательностью табачных компаний – ловко, очень ловко! В фильме главному герою приходится много бегать и у него отлично это получается, хотя он и дымит как паровоз. Я не удивлюсь, если в конце он признается, что именно курение помогает ему сохранять выносливость и несокрушимое здоровье. Из-за подобной скрытой

рекламы в фильмах часто возникают абсурдные ситуации, что понижает их художественную ценность, зато, несомненно, повышает коммерческую.

Закрывая собой полкартинки, на экран властно врывается реклама. Бегущая строка рассказывает о новых леденцах от кашля – а на заднем плане герой затягивается очередной сигаретой. Забавный симбиоз. Думаю, всю эту продукцию делает одна корпорация, но под разными брендами. Поток жизненно важных товаров и услуг продолжает изливаться с экрана, стремясь вытеснить из памяти сюжет фильма. Через двадцать минут ему это удастся – я с изумлением осознаю, что потерял нить повествования и совсем не ориентируюсь в происходящем. Полиция за кем-то гонится, но за кем – я не могу рассмотреть. Левая половина экрана почти полностью закрыта рекламой какого-то тур-агентства.

Выключаю компьютер. Безразлично пялюсь в потолок. Из оцепенения меня выводит телефонный звонок.

– Добрый день, меня зовут Андрей Тарасов! (Интересно откуда у него мой номер телефона?). Я журналист компании «Тристар»! Виктор, ваша судьба интересует миллионы людей во всем мире. Я собираюсь взять у вас интервью, полагаю, вас не затруднит ответить на наши вопросы? Я планирую навестить вас завтра к трем часам дня. (Мужик, да что же тебе в воскресенье дома-то не сидится?). Надеюсь, вы меня дождетесь и никуда не сбежите! (Придурок, думаешь ты очень смешно пошутил?). До завтра!

Телефон замолкает, этот Андрей даже не стал спрашивать моего согласия, просто поставил перед фактом. Как только я услышал название его корпорации, то все мои вопросы отпали сами собой. «Тристар» – это одно из крупнейших информагентств в Восточной Европе. Разумеется, им ничего не стоит узнать любой номер телефона и назначить личную встречу любому человеку. До интервью еще сутки. Я лезу в интернет, захожу на какой-то развлекательный сайт, и за моим курсором начинает гоняться целая орда разноцветных рекламных баннеров. Черт, нужно обновить программу, блокирующую рекламу. Самая настырная афишка умудряется расположиться под стрелкой курсора – небольшой плакат ярко-синего цвета, разрисованный красными пятнами. Текст гласит: «Новая компьютерная игра «Иван Викторчук. Поединок один на один». Мерзавцы! Даже здесь спекулируют на моей популярности! И ведь даже иск подать нельзя. Имя и фамилия изменены, все совпадения с реальными людьми, как говорится, являются случайными.

В воскресенье в три часа дня дверь моей камеры открывается и заходит высокий молодой парень. Он одет в светлый костюм, в руках кейс для ноутбука и диктофон. Располагается напротив меня в кресле и ставит на стол аппаратуру. Идеально уложенные волосы, очки в тонкой оправе и позитивная улыбка – от него прямо веет оптимизмом, уверенностью в себе и желанием сотрудничать.

– Здравствуйте, Виктор. Я Андрей Тарасов, рад с вами познакомиться.

Приветствие и улыбка настолько заученные и стандартные, что меня передергивает.

– Добрый день. Удивительно, что вам удалось добиться личной встречи. Думаю, вы знаете, что даже моим родителям не разрешено видеться со мной?

Улыбка журналиста становится очень самодовольной.

– У нашей компании есть свои методы убеждения. Однако даже нам несколько раз отказывали. Лишь два дня назад соглашение было достигнуто. Здесь очень строгие нравы, но мы справились. Тюремное начальство сказало, что сроки поджимают и потому меня все же сюда впустили.

Я почувствовал, как бешено застучало сердце.

– Андрей, вы сказали, что сроки поджимают. Как это понимать? Дата исполнения приговора уже назначена?

Мой собеседник равнодушно пожимает плечами:

– Мне это не известно. Давайте лучше поговорим о вас.

– А зачем вам вообще все это интервью?

Тарасов изумленно смотрит на меня.

– Виктор, вы же знаменитость. Людям хочется узнать, как вы сейчас живете, о чем думаете, что чувствуете и что толкнуло вас на преступление. Это будет отличный материал. Вы только подумайте – это же настоящая сенсация!

Мои глаза начинает застилать пелена ярости, кровь стучит в висках и сквозь этот гул я слышу голос Тарасова, который беспечно разглагольствует:

– Мы дадим большую рекламу накануне казни, что-нибудь вроде «Последняя исповедь последнего убийцы!», как вам, а? Ну а само интервью, а также фото и видео материалы опубликуем сразу после казни. Наши рейтинги взлетят до небес!

Я прыгаю вперед. Журналист настолько ошеломлен, что даже не оказывает никакого сопротивления. Мой локоть врезается в его переносицу – очки сломаны, нос, надеюсь, тоже. Он, скорчившись на полу, пытается прикрыть голову – я бью его жестоко и безостановочно, но не долго. В камеру врывается охрана – меня оттаскивают в угол, Тарасову помогают встать и уводят за дверь, аппаратуру также забирают. Охранник со злостью толкает меня на кровать:

– Ты что, с ума сошел?

– Да, сошел. У меня клаустрофобия!

– Виктор, не усугубляй свое положение...

– Игорь, ты что издеваешься? Мое положение еще не безнадежно и его, по-твоему, можно усугубить?

– Вот Тарасов придёт в себя, обидится и добьется твоего перевода в общую камеру. Там тебе вряд ли понравится.

– Подумаешь, два десятка зомби, неотрывно пялящиеся в мониторы своих планшетов!

– По-моему, для тебя общество таких вот зомби окажется как раз самой изощренной пыткой.

Игорь выходит, хлопнув дверью. Тут он прав, информагентство очень влиятельное и может мне испортить остаток жизни. Хотя, проведя шесть месяцев в одиночной камере, неотступно преследуемый мыслями о будущей казни, я уже не боюсь даже перевода в общую. Скоро можно будет подышать свежим воздухом, если меня за плохое поведение не лишат прогулки.

Меня все же выпускают во двор. На улице тепло и солнечно, ветер шумит в кронах деревьев. Подхожу к скамейке. Здороваюсь с мужиками. Их трое – Серега, Стас и Антон. Они всегда оккупируют эту лавочку и я всегда подсаживаюсь только к ним. Эти ребята большие поклонники спорта, потому все споры и разговоры ведутся вокруг футбола, бокса и всякой "Формулы-1". Я во многих из этих вопросах совершенно не разобрался поначалу, но сейчас отлично помню, какой игрок в какой команде играет или кто с кем будет драться. Это просто была единственная компания, где разговоры никогда не приводили к воспоминаниям о воле.

Любая другая группа заключенных могла начать диалог о чем угодно: о спорте, смысле жизни, политике и даже погоде. Они обсуждали свой нынешний суровый быт, религию, литературу, но любой разговор рано или поздно приводил к свободе. И получалось, что ТАМ все было не так – вода чище, солнце ярче, окружающие добрее. От этих воспоминаний у меня всегда замирало сердце и чувство тоски заполняло меня, давило, отнимало способность думать и членораздельно говорить. Я удивлялся – неужели им это нравится, говорить о воле, которой у них все равно больше нет? Но потом кто-нибудь говорил: «Вот выйду и ...». Дальше шли рассуждения о новой жизни, планах, целях, мечтах. Как ни странно, но подобными надеждами тешили себя даже те, кому сидеть предстояло невероятно долго. То ли они верили в возможность досрочного освобождения, то ли эти иллюзии позволяли им отрываться от грубой ткани реальности и находить успокоение. Ну а я в очередной раз вспоминал, что я не такой как они. Что, погружаясь в свои фантазии, другие заключенные видели светлое будущее, надеяться на которое в моем случае было неслыханно глупо.

Я сижу на скамейке, слушаю дискуссию о шансах "Реала" взять Кубок Чемпионов и думаю о том, суждено ли мне будет это увидеть.

– Витек, у тебя скула рассечена.

Слова Стаса выводят меня из раздумий. Я рассказываю им ситуацию с журналистом и Антон усмехается:

– Это Стас на тебя плохо влияет, увлек тебя боксом, а ты теперь не видишь разницы между камерой и рингом.

– Виктор соблюдает режим, – вставляет Стас. – Он последнюю тренировку пропустил, вот поэтому и решил навестить упущенное.

– Ты же был на хорошем счету у начальства, а теперь испортил себе репутацию, – добавляет Серега.

– Меня в любом случае вряд ли выпустят за хорошее поведение.

– Да ладно, Виктор, не бурчи, ты правильно поступил, – успокаивает меня Стас.

– Но ты бы не стал бить морду журналисту?

Стас неуверенно пожимает плечами. Конечно, он бы этого не сделал, зачем ему лишние неприятности? Если к тебе нет дисциплинарных замечаний, то вдали, как морковка перед осликом, всегда маячит перспектива досрочного освобождения.

Желая повеселить приятелей, рассказываю им о том, как пытался воспользоваться услугами клиники, продлевающей жизнь. Антона особенно удивляет факт того, с каким упорством за потенциального клиента хваталась девочка-оператор, ответившая на мой звонок.

– Ничего странного в этом нет, – замечает Стас. – Я как-то раз нашел в интернете интересную статью, повествующую о трудовых буднях нынешних торговых компаний. Там за выполнение плана сотрудники смело готовы душу продать. А поскольку клиника представляет собой все то же торговое предприятие, то и там порядки, надо полагать, царят схожие. Их за каждого упущенного клиента не иначе как по почкам каждый вечер бьют.

– И еще по зубам! – жизнерадостно добавляет Серега. Он из всей компании самый веселый и может найти повод посмеяться в любой ситуации.

– По зубам нельзя, – наставительно изрекает Стас. – Продавцам завтра снова на работу и им нужна хорошая дикция.

– Ну а перед выходными-то по зубам можно? – продолжает допытываться Серега.

– Нельзя, – отрезаю я. – Нельзя человека, работающего в торговле, отпускать на выходные. Куда же это годится? Торговля – процесс непрерывный, мне так говорили, когда пытались заманить в подобную кабалу. Продажи не знают выходных! Следовательно, и работники торговли, для поддержания максимальной концентрации, должны работать ежедневно, дабы не расслабляться. Тут уже самого менеджера более высокое начальство будет бить по почкам, если он допустит такое вопиющее послабление дисциплины, как выходные дни.

– Печальная перспектива! – смеется Антон.

– Ну а если убрать шутки в сторону, то вы, друзья мои, переносите тюремные реалии на мир свободных людей. Там никто не использует столь грубые методы убеждения, как избиение. Впрочем, теперь и в тюрьме такого уже почти никогда не увидишь. Специалисты по управлению персоналом давным-давно разработали куда более изящную систему по извлечению максимальной выгоды из подчиненных, – рассказываю я. – Девушка находится под жесточайшим прессом со стороны начальства. Выполнение торговых планов, строгое соблюдение стандартов корпоративной этики, высочайший уровень внимания по отношению к каждому клиенту. Все это еще и умножено на неусыпный контроль со стороны руководителя за каждым твоим словом. Такие условия создают ей сказочную атмосферу бесконечного стресса. И над головой неизменно висит ужасный меч угрозы постоянных штрафов за каждую, даже самую ничтожную, оплошность или недоработку. Ошибки же, совершенные в астрономическом количестве более трех за короткий промежуток времени, приобретают нездоровый оттенок скорейшего

увольнения с самыми худшими рекомендациями. Высосав из нее весь умственный и душевный потенциал, начальство найдет нового работника.

– Это, пожалуй, еще похлеще ударов по почкам, – задумчиво говорит Стас.

– Тебя, видать, самого никогда по ним не били, раз ты так самоуверенно заявляешь, – мрачно вставляет Серега.

– Били, – спокойно опровергает Стас. – На ринге и в уличных драках. Но в такой ситуации ты хотя бы отбиваться можешь. Что дает хотя бы призрачную видимость твоего сопротивления. Виктор, а откуда ты все это знаешь?

– Приходилось сталкиваться, да и чужих рассказов наслушался. Хотя сам я, слава богу, никогда не работал в таких условиях.

К нам подходит охранник:

– Иванчук, тебя начальник вызывает.

Сейчас будет воспитательная беседа и лекция о том, что негоже гостям морды бить. Я захожу в кабинет начальника, здороваюсь и сажусь. Он хмуро смотрит на меня и молчит. Я тоже молчу и жду. В конце концов, в такой ситуации слабость показывает тот, кто первым начинает разговор. Андреевич бывший снайпер и выдержки ему не занимать, а вот времени играть со мной в молчанку у него явно нет.

– Виктор, что это за гладиаторские бои ты там устроил?

– Я не сдержался...

– ДА ТЫ И НЕ ХОТЕЛ СДЕРЖИВАТЬСЯ!

– ДА Я И ИНТЕРВЬЮ ДАВАТЬ НЕ ХОТЕЛ! Но меня никто и не спрашивал... – заметно тише добавляю я.

– Ладно, я тебя не для того позвал, – успокаивающе машет рукой Андреевич. – Черт с ним, с этим журналистом. Но в будущем чтобы никаких драк!

Он строго указывает на меня пальцем. Я киваю, молчаливо соглашаясь с этим требованием. Начальник успокаивается и продолжает:

– Тут проверка скоро будет, правозащитники добились еще одной льготы для заключенных. Теперь вам обязательно полагается иметь свою страницу хотя бы "ВКонтакте".

Ну вот – свершилось. Очередная победа гуманности над здравым смыслом. Это был серьезный шаг, тем самым заключенных почти приравнивали к свободным людям. Так когда-то благородных, но оступившихся людей лишали дворянского звания – над их головой ломали шпагу, тем самым уничтожая символ принадлежности к высокому сословию. Сегодня, лишая человека воли, у него выбивали из-под ног те основы, которые делали его равным среди прочих граждан. По мнению судебной власти таковыми основами являлись паспорт (изымался на время заключения), телефонный номер (SIM-карту забирали и отдавали вместе с паспортом) и страницы в социальных сетях (блокировались до конца срока). Телефонный номер давно уже присваивался индивидуально и вносился в специальный реестр, благодаря которому всегда можно было вычислить, кому он принадлежит. Мотая срок, ты временно обзаводился другим номером, но он так и оставался в тюрьме. Выходя на свободу, ты снова получал номер, зарегистрированный за тобой, как за свободным человеком.

А вот насчет социальных сетей продолжались яростные споры. Общественность разделилась на два лагеря и представители одной стороны утверждали, что запрет на использование соц. сетей является грубейшим нарушением самых основных прав человека. Их противники резонно замечали, что имея доступ к тому же "Контакту" заключенный будет чувствовать себя как дома и даже забудет, где находится, а в таком случае его можно и вовсе в тюрьму не сажать. И вот теперь дебаты завершились. Отныне тюрьма становилась просто каким-то райским уголком для отдыха.

По-моему, решение было вынесено все-таки ошибочное. Единственным несомненным последствием мне виделось только повышение уровня преступности. В самом деле, что может

быть удобнее? Ведь у свободного человека может сломаться компьютер или просто не будет денег заплатить за интернет и он окажется отлучен от главного средства общения и от всех своих друзей. В тюрьме же отныне этого можно не бояться. Теперь от одиночества надежно прикрывает закон и любые сбои в сети можно рассматривать как нарушение прав человека и смело жаловаться адвокату.

– Павел Андреевич, а я что, настолько важный гость в вашем заведении, что меня вы решили проинформировать лично?

– Можно сказать и так. Насколько мне известно, ты единственный из моих, как ты сказал, "гостей", у кого на воле не было такой страницы.

– Да, верно. Это касается не только "Контакта", у меня в принципе не было своих страниц ни в одной из социальных сетей.

– Вот я тебе и говорю, что пора завести.

– Это еще зачем? В друзья меня хотите добавить?

– Дурак ты, Иванчук! – устало бросает Андреевич.

Интересно, почему это я дурак? Потому что все еще нахожу в себе силы шутить? А вот как я должен себя вести? Плакать целыми днями и биться головой об стенку? Или же начальник раскритиковал мой интеллектуальный уровень из-за того, что у меня нет страниц в социальных сетях? Я молчу, никак не комментируя оценку моих умственных способностей, данную собеседником. Андреевич же снисходит до более детальных объяснений:

– Я же сказал – проверка скоро, а ты личность слишком заметная. Увидят правозащитники, что ты в социальных сетях нигде не светишься и поднимут вой. А крайним выйду я – нарушил твои права и лишил возможности для общения. Так что заводи себе страницу "ВКонтакте" и не подводи окружающих. Заодно наверстаешь все упущенное за эти годы. Все, ступай.

Я выхожу и направляюсь в камеру. Столько лет я прожил на свете и отлично обходился без "Контакта", а теперь мне заявляют, что я жил неправильно и самое время исправлять свои ошибки. Раньше человек перед казнью исповедовался, теперь обязан зарегистрироваться. Что же – времена меняются. Соблюдение правовых норм – это основа порядка и цивилизации, а потому мои права должны быть соблюдены независимо от того, хочу я этого или нет.

Вернувшись в свои "апартаменты" я сажусь за компьютер, который услужливо предлагает мне поработать, не отходя от монитора, но я не хочу работать еще и здесь. Как будто в наказание меня закрыли наедине с интернетом и теперь он мне мстит. Мстит за годы моего пренебрежительного отношения. Всю свою свободную жизнь я относился к нему как к слуге, который может раздобыть нужную информацию или поможет скачать фильм, но не в силах заменить живое общение и никогда не даст чувства настоящей свободы. Условия изменились и теперь он стал абсолютным владыкой моего досуга. Вот тебе и шанс переосмыслить всю свою систему ценностей.

На мониторе красуются песочные часы. Мне не разрешили обзавестись ими в реальности, посчитав стеклянную вещь слишком опасной в руках приговоренного к смерти. Поэтому пришлось скачать нужную программу все в том же интернете. Монитор был сенсорным и я, коснувшись его пальцем, стал бездумно передвигать часы по экрану. Вправо, влево, снова вправо. Потом стал водить пальцем по кругу и часы, послушные моим приказаниям, стали вращаться вокруг своей оси с огромной скоростью. Я остановил движение и песок стал медленно пересыпаться из верхней колбы в нижнюю. Стекло часов мерцало, как будто на него падал свет, песчинки скатывались вниз с горки, постепенно растущей в нижней колбе. Анимацию сделали просто на загляденье.

Именно такой мне представлялась человеческая жизнь. Хотя нет, немного не такой. Я нажимаю еще на одну кнопку, и вместо песочных часов на экране появляется клепсида. Такие же часы, только вместо песка вода. Первые капли тут же начинают падать из верхней колбы вниз. Брызги рассыпаются красивыми радужными искрами, к тому же, все это еще и сопро-

вождается вполне натуральным звуком капанья, доносящимся из колонок. Полнейшее погружение в иллюзию.

Вот наиболее удачная параллель для человеческой жизни. Верхняя колба – это потенциал времени. У только что родившегося человека он велик, весьма велик – вся жизнь впереди. Постепенно вода перетекает вниз, планомерно ворует этот потенциал. Очень точное сравнение, ведь, если я не ошибаюсь, то слово «клепсидра» как раз и состоит из двух греческих слов, переводящихся как «красть» и «вода». Пугаться уменьшения жидкости не стоит, поскольку она не исчезает бесследно. Попадая в нижнюю колбу, потенциал времени, проходя через узкое горлышко, трансформируется и вниз оседает уже измененным. Он превращается в потенциал опыта, знаний, силы, пережитых эмоций. И если человек сумеет найти преображенному содержанию удачное применение, то он сможет достичь воистину многого.

Однако есть и здесь свой паразит. Современная сфера развлечений – такой себе вампир, стремящийся добраться до этой ценной жидкости. Причем, это не упырь из страшных сказок, не ужасный оживший труп, который своим отпугивающим видом может побудить жертву к сопротивлению. Нет! Это скорее вампир-летучая мышь, родом из Южной Америки, которая ловко и беззвучно подлетит так, что человек и не услышит, не распознает угрозы в беззвучном трепетании крыльев. Крылья эти не что иное, как нынешние шоу, сериалы, викторины, онлайн-игры, предлагаемые телевидением и интернетом. Все они кажутся такими безобидными, что даже если жертва и очнется ненадолго, то в жизни не придаст значения этим мягким крыльям, не почувствует опасности. И вот вампир уже вцепился клыками в узкое горлышко между двух колб. И начинает пить. Потенциал времени, покидая верхнюю колбу, не превращается ни во что полезное. Он вообще не увеличивает содержимое нижней колбы. Он становится пищей для вампира, который, в отличие от летучей мыши, не удовольствуется малой дозой. Убедившись в отменном качестве потребляемой жидкости, он будет пить в течение всей человеческой жизни.

Демонстративно выдергиваю блок питания из розетки и берусь за гантели...

Я просыпаюсь среди ночи и вскакиваю с дивана. Несколько лет назад я посмотрел один документальный фильм про испанскую инквизицию. Зря я это тогда сделал. Описание пыток и казней, увиденных тогда, снится мне уже в третий раз. Ко мне все эти экзекуции никогда не будут применены, но на душе все равно беспокойно. Я встаю и начинаю нервно ходить по комнате. Нужно что-то делать, искать выход, попытаться сбежать, подать апелляцию, покончить с собой – короче совершить что угодно, но не сидеть в четырех стенах, покорно ожидая своей участи. Я хватаю телефон и набираю номер Тарасова. Звоню раз, второй, третий. Наконец телефон отвечает сонным голосом:

– Да, Тарасов слушает...

– Алло, Андрей. Это Виктор. Виктор Иванчук. Вы еще заинтересованы в интервью?

Мобильный озадаченно молчит.

– Вы меня слышите?

– Да... я слышу вас... Виктор.

Журналист говорит настороженно и растягивая слова. Похоже, он ошеломлен моим звонком в два часа ночи.

– Вы передумали и хотите со мной пообщаться?

– Да, я готов дать вам интервью, но вы и сами понимаете – всему на свете есть цена, я тоже хочу заработать.

– А зачем вам деньги?

– Пожертвую на нужды церкви.

– Странно, а я думал, что вы атеист.

– Тарасов, можешь поверить – среди приговоренных к смерти атеиста днем с огнем не найти, – от волнения я перехожу на «ты».

– Интересно и откуда вам это может быть известно.

– Мне это и неизвестно. Я просто подвержен всеобщему заблуждению – сужу окружающих по себе.

– Хорошо и какова цена вопроса?

Я называю ему сумму. Он ошеломленно молчит секунд десять.

– На такие деньги можно свою церковь построить.

– Спасибо за совет, может быть я так и поступлю, если вы, конечно, согласитесь на мои условия.

Тарасов быстро переходит на деловой тон – голос становится уверенным, четким и энергичным. Вот пример настоящего профессионала, которого среди ночи разбуди – и он будет готов обсуждать условия сделки.

– Я должен поговорить со своим начальником. Если мне удастся убедить его, то я позвоню вам завтра, то есть сегодня утром и договорюсь о времени нашей встречи.

– Хорошо, я буду ждать. Спокойной ночи, Андрей.

Ложусь на кровать и пялюсь в потолок – сон не идет ко мне, но я не в обиде. Сны в последнее время таковы, что лучше и вовсе не спать. Мимоходом замечаю, что моя терапия по отношению к Тарасову не была лишена смысла – во время этого разговора он не позволял себе никаких дурацких шуточек. Да и время нашей беседы обещал согласовать со мной. Странно, что многие люди не понимают по-хорошему. С этой мыслью я все-таки проваливаюсь в сон, спокойный сон без сновидений. Так может засыпать только человек, у которого появилась надежда.

Прошло всего пять часов и я проснулся. Глупо думать, что журналист уже испросил благословения у начальства, но спать мне больше не хочется. Я вновь включаю этот чертов компьютер. Единственное увлечение, за которое можно смело благодарить тюрьму – это изучение языков. Еще с детства я мечтал знать много языков. Мне это казалось удивительным, волшебным и непостижимым – как умудрились люди создать такое количество наречий? С каким, надо полагать, трудом создавали письменность, составляли алфавиты, сколько спорили и сил тратили, чтобы родная речь жила. Как много утекло с тех пор воды, как много пролилось из-за этого чернил, а порой и крови...

Я всегда восхищался полиглотами – мне они казались чародеями, способными понимать речь человека с другого края земли. А вот сам никак не успевал выучить досконально хотя бы один иностранный язык. И вот только теперь, оказавшись в тюрьме, получил вдоволь свободного времени. Дело пошло. Английский, немецкий, испанский... Но я снова и снова ловил себя на мысли, что спохватился слишком поздно. Сколько мне осталось?

Но сегодня обучение совершенно не идет. Я могу думать лишь о звонке журналиста. Выключаю компьютер и добрых два часа брожу по камере, как тигр в клетке – нетерпение просто обжигающее. Никто не звонит. Наконец-то приходит время прогулки, меня выпускают и на ближайшие тридцать минут я оказываюсь втянут в яростные спортивные дебаты и время летит незаметно, а потом – потом звонит Тарасов.

– Алло, Виктор. Я поговорил с шефом, он, конечно, был ошеломлен размером названной суммы, но мне удалось его уговорить. Когда я могу приехать к вам и пообщаться?

– Я готов с вами поговорить в любое время, хоть прямо сейчас, вам нужно только добиться разрешения на встречу от тюремной администрации.

– Ну, я думаю, за этим дело не станет. Я позвоню вам и сообщу дату и время нашего интервью. До свиданья, Виктор.

– До встречи.

Я сижу и смотрю вдаль, сердце радостно бьется и из-за его ударов я не слышу даже о чем говорят мои братья по заключению. Стас замечает мое отстраненное состояние и с третьей попытки ему удаётся достучаться до моего воспарившего сознания.

– Витек, кто тебе звонил? Ты чего такой счастливый сидишь?

Я усмехаюсь и смотрю на него:

– У меня свой маленький турнир.

– Судя по твоему лицу, ты уже гарантировал себе победу.

– Да нет, Стас. Я, можно сказать, в финале. Самое главное еще впереди – серебряные медали всегда становятся слишком слабым утешением, но в моем случае они вообще ничего не стоят.

4. Адвокат Меренков

Примерно через сорок минут я оказываюсь в камере – дверь за мной закрывается и я берусь за мобильный телефон. Я еле дождался пока останусь один – какое-то древнее, смутное суеверие не позволяло мне озвучить мою идею при посторонних. Кто бы мог подумать, что человек в двадцать первом веке может бояться сглаза. Нужный мне номер внесен в телефонную книгу еще ночью, сразу после звонка журналисту. Вызов идет не более трех секунд и мне отвечает девушка:

– Добрый день. Адвокатская компания Меренкова. Консультант Виктория.

– Добрый день, девушка. Я хотел бы поговорить с господином Меренковым.

– Вы хотели бы записаться на консультацию?

– Да, хотел бы и как можно скорее. Скажем на завтра.

– Боюсь, Ярослав Витальевич не сможет уделить вам время так скоро. Если вы запишитесь на консультацию...

– Я вряд ли располагаю временем для ожидания, – я прерываю ее несколько грубо, но терпение мое начинает окончательно сдавать. – Какую должность вы занимаете в компании?

– Я консультант потенциальных клиентов.

– Думаю, меня можно считать VIP-клиентом, у вас есть такие консультанты? Меня зовут Виктор Иванчук. Возможно, вы слышали обо мне. Я хочу поговорить с Ярославом Меренковым лично.

– Виктор, я сообщу Ярославу Витальевичу о вашем звонке и он свяжется с вами, как только у него появится свободное время. Большого я пообещать не могу. Оставьте, пожалуйста, ваши координаты.

– Сохраните этот номер телефона. Можете звонить на него. До свиданья.

– Всего доброго, Виктор.

Я стою возле окна и размышляю о принятых нормах общения, которые давно уже потеряли смысловую нагрузку. Глупо было прощаться фразой «До свидания», вряд ли мы с ней увидимся, а вот увидеть Меренкова я надеюсь, очень надеюсь.

Сидя в камере, ты поневоле учишься терпению, но к вечеру даже мое самообладание дало трещину. До девяти вечера я безостановочно ходил по своей клетке, в голове мысли кружились одна другой бредовее – может ему не сообщили о моем звонке? А может он и не заинтересован в общении со мной? Он ведь не журналист, в конце концов. В начале десятого раздается звонок:

– Добрый вечер. Виктор?

– Ярослав Витальевич Меренков?

– Да. Я был удивлен вашим звонком. Вам нужна юридическая консультация?

– Более того, мне нужно с вами увидеться, могу я надеяться на скорую встречу?

– Да, как юрист я могу добиться свидания с вами, но в чем же цель визита?

– Вы один из лучших адвокатов по криминальным делам. Вы согласны взяться за мое дело?

Меренков некоторое время молчит, видимо обдумывая мое предложение, затем отвечает:

– Я следил за вашим процессом, приговор давно вынесен и утвержден. Вы надеетесь добиться отсрочки исполнения?

– Долгое ожидание смертной казни – это худшее из наказаний, я не собираюсь так себя истязать. Давайте обсудим наше сотрудничество при встрече. Когда я смогу вас увидеть?

– Даже у востребованных специалистов есть свободное время. Я готов пожертвовать завтрашним вечером ради разговора с вами.

– Договорились.

– Часам к семи вас устроит?

– Мой распорядок дня никем не ограничен, в рамках тюремного режима, разумеется. Я буду ждать вас. До свиданья, Ярослав Витальевич.

– Всего хорошего.

Адвокат кладет трубку. Я снова ухожу в область филологических изысканий, размышляя, насколько правильно желать всего хорошего осужденному на казнь. Первый раунд переговоров остался за мной, по крайней мере, встреча с адвокатом состоится уже через сутки. Нетерпение от этого не уменьшается и я продолжаю бродить из угла в угол, точно так же как и до этого важного разговора. Проходит еще минут двадцать, адреналин постепенно перестает бурлить в крови, я ощущаю прилив усталости и ложусь спать. В конце концов, чем больше я проспую, тем меньше придется ждать завтрашнего вечера.

Жизнь в камере-одиночке меняет человеческие привычки. К такому остроумному выводу легко прийти, даже не попав в такую камеру, но, только оказавшись здесь, начинаешь понимать, насколько твои повадки меняются. Я никогда раньше не вел дневник – ни виртуальный, в какой-нибудь социальной сети, ни даже материальный, в виде обычной тетради, испи-санной вручную. Недостаток общения толкнул меня на этот шаг. Мне зачастую не с кем погово-ривать вживую и я излагаю краткую историю своего заключения на мониторе. Интересно, всем тем людям, которые свободное время проводят в блогах, неужели им тоже не удастся погово-ривать с окружающими?

Подходит время обеда. Кормят здесь неплохо – количество пищи и выбор меню не дают повода жаловаться, правозащитники постарались. В сотый раз ловлю себя на мысли, что для многих людей такой санаторий был бы просто раем. Ну чего еще желать? Крыша над головой, питание, интернет...

День постепенно заканчивается и приходит время для встречи с адвокатом. Меренков выглядит солидно, впрочем, стоит ли удивляться. Среднего роста, стройный, хотя и немолодой, в волосах преобладает «благородная седина». Он одет в строгий костюм и белую рубашку, в руках кожаная папка. Хорошая осанка и уверенный взгляд дополняют картину. Он заходит в комнату, крепко пожимает мне руку и садится напротив меня на стул.

– Ну что же, будем знакомы, Виктор. Ты человек в некотором роде известный, даже зна-менитый.

– Я бы с удовольствием отказался от такой славы. Для этого я вас и пригласил.

– Думаю, слава твоя от тебя уже точно никуда не денется, скоро сможешь рекламные контракты подписывать. Я внимательно следил за твоим делом. Ты не думаешь, что слишком поздно спохватился? Обратись ты ко мне за помощью, когда приговор еще не вынесли, вердикт мог бы оказаться совсем другим.

– Услуги адвоката экстра-класса стоят таких денег, каких я тогда в жизни не видел, но быть знаменитым иногда очень полезно, через несколько дней я стану достаточно состоятель-ным человеком.

Меренков удивленно смотрит на меня и спрашивает:

– То есть ты приглашаешь адвоката, на данный момент даже не будучи в состоянии опла-тить его услуги? Несколько необдуманное действие, тебе не кажется?

– Да, – киваю я. – Это опрометчивый поступок, но можете поверить, в моей ситуации трудно сохранить рассудительность. Стану ли я богатым будет видно буквально через пару дней, если же не стану, то вы потратите на меня не так и много времени. Сегодня я хочу только заручиться вашим согласием, а начать саму работу нужно, соответственно, немного позже. Итак, я хочу, чтобы вы стали моим адвокатом.

Меренков не спешит с ответом, хотя наверняка принял решение еще до визита ко мне. Наконец он отвечает:

– Почему ты решил обратиться именно ко мне? Хороших адвокатов хватает.

– Я долго выбирал защитника. К счастью, как видите, интернет мне доступен. Вы также человек знаменитый. Я изучил не один ваш процесс и результаты меня впечатлили.

– А ты никогда не думал, как мне удалось добиться такой репутации? Я ведь выигрываю не каждое дело.

– Мне захотелось, чтобы меня защищал именно такой мастер – ваше имя на слуху, ни один громкий процесс вы не проиграли.

– Вот именно. Нужно стараться побеждать всегда, а если не удастся, то хотя бы тогда, когда к тебе приковано внимание. Твое дело не из тех, которые можно проиграть и никто не заметит, а добиться успеха будет невероятно сложно.

– Было бы это просто, я бы не стал вас беспокоить. Но если человек берется за какое-нибудь невыполнимое задание и не справляется, то кто же станет его осуждать? Никто ведь не будет критиковать атлета, который попытался, но не смог поднять слона. Так почему бы не попробовать?

Адвокат усмехается:

– Оригинальное сравнение. Окружающие не упустят случая посмеяться над неудачником, даже если он не осилил дело, за которое другие не взялись, просто побоявшись провала. Пойми, люди редко руководствуются логикой, особенно если им угрожают тюрьмой. Никто из моих потенциальных клиентов не вспомнит, что твоя апелляция была почти безнадежна, зато никогда не забудут, что Меренков отправил подопечного прямиком на тот свет.

– Я понял. У адвокатов, как и у врачей, есть свое маленькое кладбище. Вам такое заметное надгробие на этом кладбище совсем ни к чему.

Он молча кивает. Это следует трактовать как отказ, но, тем не менее, зачем-то же он все-таки пришел. Просто отказаться можно было и по телефону. Не автограф же, в самом деле, ему нужен. Я смотрю на Меренкова и он прерывает затянувшееся молчание:

– Кого ты во мне видишь? Спасителя?

– Скорее авантюриста, способного рискнуть репутацией ради достижения уникального пика в своей деятельности.

Я действительно вижу его таким. Остается только надеяться, что этот авантюрист не является плодом моего воображения. Адвокат смотрит на меня. Принять мое предложение – это как гулять по тонкому льду, очень тонкому. А кого видит он? Измотанного человека, запертого в четырех стенах, который отчаянно нуждается в помощи или же большой мешок денег? Как его уговорить? Выгода, благородство, честолюбие? Он прерывает мои размышления:

– Скажи, Виктор, если я откажусь, что ты будешь делать? Вряд ли ты просто склонишь голову перед судьбой.

– Разумеется. Мир велик и в нем много хороших адвокатов. Я найду другого и продолжу борьбу. Кстати, заключенным отныне полагается иметь страницы в социальных сетях и мне тоже предложили не отставать от толпы. Буду загружать туда разную ахинею – фото, комментарии, гороскопы. Ну и конечно, расскажу историю про адвоката, который не решился меня защищать.

В глазах моего гостя удивление сменяется насмешкой, а затем заинтересованностью. Феноменальные глаза – настоящий калейдоскоп эмоций. А может мне все это только кажется, а собеседник не испытывает ко мне ничего кроме равнодушия? Сейчас узнаем.

– Ты пытаешься меня шантажировать? Надеешься испугать оглаской моего отказа?

– Я надеюсь только на то, что вы возьметесь меня защищать.

Адвокат, откашлявшись, спрашивает:

– Как ты думаешь, почему я не согласился на встречу в день твоего звонка?

Я пожимаю плечами:

– Вы были заняты.

– Да, – кивает Меренков. – А еще я хотел собрать о твоём судебном деле самые полные сведения, чем вчера и занимались мои помощники. Дело непростое, но на одних простых процессах имя себе не сделаешь. Я буду твоим адвокатом.

Это прозвучало настолько буднично, как будто между делом, что я даже не сразу осознал значение его ответа. Однако нельзя сказать, что я испытывал радость, более точным словом было облегчение. Не знаю почему, но для меня казалось очень важным добиться согласия от Меренкова, хотя он был прав, говоря, что я не склоню голову и смогу найти другого адвоката. Наверное, мне просто не хотелось начинать операцию по моему спасению с какой-либо неудачи. Я отвечаю:

– Спасибо. Как вы намерены действовать?

– Я думаю, что разные формальности и мелкие нюансы, из которых во многом и состоит моя работа, тебя не очень заинтересуют, да и вряд ли окажутся понятны. Я соберу необходимые документы, без которых в данной ситуации не обойтись, а ты пока отдыхай, скоро я сюда вернусь и набросаю примерный план действий.

– Скоро, это когда?

– Тебе не терпится, как я посмотрю, – усмехается адвокат. – Мне казалось, тюремное заключение должно вырабатывать в людях терпеливость и умение ждать.

– Ваши выводы поверхностны. Для того чтобы понять какие качества вырабатывает в человеке заключение, надежнее всего самому сесть в тюрьму. Это будет бесценным личным опытом.

– Да, ты прав, в суде умозаключения свидетелей, сделанные без каких-либо оснований, также ничего не стоят, – легко соглашается со мной Меренков. – Но, пожалуй, я обойдусь без такого опыта. Вернемся к нашему процессу. Мне нужно чуть больше времени, чтобы продумать линию твоего поведения и, можешь поверить, тебе работы тоже хватит. Я позвоню завтра и проинформирую о предпринятых мной шагах.

– Хорошо, Ярослав Витальевич. Только прошу вас пока никому не говорить, что вы беретесь за мою защиту, а то у меня появятся реальные шансы не разбогатеть вовсе. Когда деньги уже будут у меня, тогда и начнете работу.

– В таком случае, тебе и звонить мне следовало после получения денег, – говорит адвокат. – В моей команде уже все знают, что ты надеешься на мою помощь. Я, конечно, доверяю своим людям, но перестраховка еще никому не мешала. Ладно, дам им отдельное указание держать рот на замке.

– Теперь нам осталось обсудить только финансовую сторону вопроса. Так каков будет ваш гонорар?

– Этот аспект мы обсудим чуть позже. Сейчас сложно сказать, сколько времени и сил я потрачу на работу. Я не откажусь от вознаграждения, но ты же понимаешь, что я берусь за это дело не ради денег.

– Думаю, денег вам хватает. Тогда что вами движет? Хочется добиться чего-то экстраординарного, вписать свое имя в историю?

– Разве что в историю судопроизводства, – смеется Меренков. – Жди звонка, Виктор, до встречи.

Через десять минут после того как адвокат покинул мою обитель, раздался телефонный звонок Тарасова.

– Добрый вечер, Виктор, я хочу обсудить условия оплаты. Вас устроит, если гонорар будет выплачиваться частями? Первую часть еще до интервью, вторую – через пару дней после него, третью...

– А последнюю получают уже мои наследники, после моей казни, – перебиваю журналиста я. – Нет, Николай, меня устроит, если я получу всю сумму сразу, думаю, для вашей компании это будет не так и накладно.

– Ну... хорошо, – соглашается Тарасов. – Но мы с вами должны будем заключить договор. После его подписания вы получите гонорар. Я сейчас отправлю вам на почту копию контракта. Ознакомьтесь, а завтра я зайду к вам в гости и подпишем оригинал.

Так мы и сделали. Время от последнего звонка журналиста до подписания договора пролетело для меня незаметно. Когда перед моими глазами оказывается оригинал бланка, я еще два раза внимательно его читаю. Заметив это, Тарасов улыбается:

– Вы же уже читали копию. Вы нам не доверяете, думаете, она не совпадает с оригиналом?

– Разумеется, не доверяю, – ворчу я. – О каком доверии может идти речь, если наши отношения мы подтверждаем документально. Вот вы мне доверяете?

– Как раз для этого и существуют контракты, – уклоняется от прямого ответа журналист. – По существу вопроса вам все понятно?

– Да, чего уж проще. Я даю вам интервью, соглашаюсь на фото- и видеосъемку и за это получаю гонорар. Больше ни на какие интервью до самой казни я уже не соглашаюсь, а в случае невыполнения этих обязательств должен буду вернуть уплаченную мне сумму и еще солидную неустойку сверху.

Тарасов удовлетворенно кивает:

– Да, суть вы поняли. Ну что же, контракт заключен, деньги будут переведены завтра. Как только вы их увидите на счету, то будьте готовы к моему визиту. Ох, я уже предвкушаю – это будет роскошный материал. Всего доброго, Виктор.

Журналист уходит, а значит, самое подходящее время опять поговорить с адвокатом. Я звоню Меренкову и приглашаю его в гости. Через пару часов он появляется на пороге моей камеры, и я вручаю ему контракт принесенный Тарасовым.

– Что это?

– Все очень просто – это и есть тот документ, который должен сделать меня богатым.

Меренков читает и затем смотрит на меня с выражением неподдельного уважения:

– Не перестаю удивляться тому, насколько изобретателен становится человек, если дело пахнет жареным. Можно сказать, что это одна из причин, из-за которых я стал адвокатом. Так ты хочешь взять у «Тристар» деньги за предсмертное интервью, а потом сделать им маленький сюрприз и добиться отмены казни? Ловко, ничего не скажешь. Только тебе следовало сначала уведомить меня, с кем нам придется бороться. Это информагентство имеет немалый вес. Ну да ладно, думаю, мы с тобой справимся.

– Да, но я хотел уточнить у вас, не смогут ли они аннулировать контракт на том основании, что... ну, не знаю, интервью потеряло актуальность или еще по какой-то причине?

Адвокат покачал головой:

– Не думаю. Как ты себе это представляешь? У вас на бумаге не прописано, что ты обязуешься умереть в ближайшее время. Предмет договора состоит в том, что ты даешь эксклюзивный материал и больше с журналистами не общаешься. Тебе деньги платят за то, что ты поговоришь с кем-то из работников «Тристар». Ты это сделаешь и все – условия контракта выполнены. Правда, если мы сможем добиться пересмотра приговора, то тебе придется отказаться от интервью на всю жизнь, так прописано в этом документе. Кто хоть этот журналист?

– Николай Тарасов, – отвечаю я.

– Слышал о таком, – кивает головой Меренков. – Да, Николай явно не ожидает, что твоя жизнь может неожиданно затянуться. Ну что, ты готов на такую жертву – никогда больше не общаться с журналистами?

– Не думаю, что для меня это будет в тягость.

– Вот и хорошо. «Тристар», разумеется, на такой поворот сквозь пальцы смотреть не будет и начнет ставить палки в колеса, может даже судебный иск подать, но у тебя есть адвокат, так что я думаю, мы отобьемся. Когда ты ждешь Тарасова в гости?

Я пожимаю плечами:

– Еще не знаю. Может быть даже завтра. Как только условия договора будут выполнены, вы сможете начать работу.

– Да, – подтверждает Меренков. – А теперь самое время поговорить о твоих дальнейших шагах. Что я обещал?

– Что я тоже не буду сидеть сложа руки.

– Правильно, – кивает адвокат. – Так и будет. Кстати, а если казнь заменят пожизненным заключением, ты останешься доволен?

– Нет, вряд ли. Но есть ведь и другие варианты.

– Разумеется. Может быть, начнется новый судебный процесс и твоя жизнь кардинально изменится. Тут кроме моего искусства нужна будет еще и твоя популярность, Виктор.

– Еще во время нашей первой встречи мы с вами пришли к выводу, что популярности мне не занимать, – отвечаю я.

Адвокат отрицательно качает головой:

– Сейчас твоя слава нейтральна – кто-то тебе сочувствует, а кто-то ненавидит. Ты же все-таки не за просто так свой приговор получил. В будущем тебе нужно будет завоевать народную любовь. Присяжные тоже живые люди и у них имеются свои симпатии и антипатии. Надеюсь, ты не сомневаешься в том, что оправдать любимого человека гораздо проще.

– Замечательно. Похоже, история действительно повторяется и меня, как и проигравшего гладиатора на римской арене в былые времена, может спасти только благосклонность публики. Хорошо, ну и что мне нужно делать?

– Выйти из подполья и начать общаться с людьми. Тебе для этого не нужно даже покидать пределы камеры. Что ты там говорил по поводу социальных сетей?

– Заключенным полагается иметь страницы в соц. сетях, – послушно цитирую я слова начальника тюрьмы.

– Так и есть, я проверил. Вот этим и пользуйся. Времени свободного у тебя хватает, к тому же, смотри какое обширное поле деятельности. Разумеется, на все сети времени даже здесь не хватит, но самые популярные уже сегодня должны принять в свои ряды нового адепта. Ну и блог заведи, конечно.

Увидев, как я хмурюсь, Меренков добавляет:

– Тебе, я смотрю, эта идея не по душе. Ну что плохого в соц. сетях?

– А что в них хорошего? – отвечаю я вопросом на вопрос. – Я видел много людей, которые проводили там почти все свободное время. Они вставали утром пораньше, чтобы перед работой успеть хотя бы пару минут посидеть «ВКонтакте», приехав на работу и включив интернет, снова лезли туда же. Если работа не была связана с компьютером, то сидели на своих страницах с телефонов или планшетов. Вернувшись вечером домой, они опять погружались в интернет-пространство. Ну ладно бы, они там хоть общались. Но этого и близко нет – большая часть диалогов сводится буквально к шести фразам: «Привет», «Как дела?», «Классная фотка», «Классная аватарка», «С Новым Годом», «С Днем Рождения». Слышали шутку о том, что если бы на всей планете вдруг стабилизировалась погода, то большая часть разговоров по всему миру умолкла бы? То же самое можно сказать и здесь. Запрети эти слова и на просторах социальных сетей образуется огромная пустота на месте текстовых сообщений. Люди будут сидеть перед мониторами и с лихорадочным отчаянием пытаться сообразить, что же еще можно написать так называемым «друзьям». Потом этот вакуум будет заполнен новыми, специально выдуманными стандартными фразами.

Меренков вставляет свою реплику в мой монолог:

– Так бывает не у всех.

– Да, вы правы. Я видел немало страниц, которые было действительно интересно читать: какие-то тематические подборки, оригинальные фотографии, остроумные шутки. Некоторые люди ведут действительно насыщенную жизнь и если им нужно сообщить какую-то новость

большой группе заинтересованных лиц, то проще всего это сделать с помощью соц. сети. Но таких меньшинство. Я не говорю, что социальные сети это обязательно зло. Они всего лишь инструмент, как топор – можно дом построить, а можно кому-то череп проломить. Беда в том, что дома строить мало кто спешит.

– Вот и относись к ним как к топору, тому самому, который перережет веревку вокруг твоей шеи.

– Хорошо бы, если не вместе с шеей. Ну а блог мне зачем? Я никогда не чувствовал в себе литературного призвания.

– Сразу видно, что ты не сидишь в блогах и социальных сетях, а потому имеешь о них превратное представление, – отвечает адвокат. – Во-первых, блог это не только тексты, туда можно выкладывать целую кучу разнообразной информации. А во-вторых, можешь мне поверить – значительная часть людей, которые их ведут, также не обладает литературным талантом, что их ни в коей мере не останавливает.

Он помолчал немного и продолжил.

– Но в чем-то ты прав, твой блог и страницы в сетях должны быть по-настоящему интересными. Если хотя бы один присяжный при пересмотре дела не захочет тебя осудить на смерть только потому, что регулярно читает твой блог, то и это может качнуть чашу весов в твою пользу.

– Вы не преувеличиваете магических возможностей интернет-популярности? – скептически интересуюсь я.

– Наоборот. Это ты их недооцениваешь. Так что, я думаю, тексты для интернета тебе будет писать приглашенный мной человек. Он постарается сделать из тебя по-настоящему популярного автора.

– Вот как. Значит, вы уже и писателя нашли? Или он у вас на постоянной основе работает? Подготавливает речи для подсудимых?

Адвокат кивнул:

– Работает. Это мой пресс-секретарь Дмитрий. Правда, до сих пор ему не приходилось писать тексты для чужого блога, но это талантливый литератор.

– А журналисты не пронюхают?

– Я не первый день работаю и помощникам своим вполне доверяю, так что переживать не о чем. Вероятность утечки информации минимальна. Ты, надо полагать, согласен?

– А что мне еще остается? Только довериться своему адвокату.

Адвокат встает из кресла со словами:

– Вот и отлично. Регистрируйся в социальных сетях и жди журналиста, а потом сразу же звони мне и я начну работать.

Делать нечего – я сел за компьютер. Меренков оказался прав на сто процентов – фронт работы был очень широк. На все мне бы времени не хватило, но даже самые популярные социальные сети заняли меня до позднего вечера. Регистрация почти везде оказалась достаточно быстрой, но количество сетей, которые мне пришлось охватить вниманием, было немаленьким. Оставалось только надеяться на обещанную от адвоката помощь в поддержании всех этих страниц. Надеюсь, найденный им писатель поможет не только с текстами, но и с другими интересными составляющими для заполнения моего виртуального пространства.

Долго ждать звонка журналиста мне и вправду не пришлось. На следующее утро мой банковский счет пополнился на обещанную сумму и почти сразу же позвонил Тарасов.

– Добрый день, Виктор. Теперь вы богатый человек, так что сейчас самое время выполнить вашу часть обязательств.

– Да, я готов. Когда мы встретимся?

Как я и предполагал, Тарасов решил не откладывать дело в долгий ящик.

– Ждите нас в гости сегодня же часам к четырем.

До назначенного срока было еще далеко, так что я успел не только сходить на прогулку и пообедать, но и получить целую кучу сообщений в соц. сетях. Пока я на них отвечал, прошло довольно много времени и незаметно наступило четыре часа пополудни.

Как оказалось, в гости ко мне собралась целая компания из трех человек. Тарасов привел с собой еще фотографа и видеооператора.

– Я и не думал, что ко мне придет целая съемочная группа.

Тарасов улыбается:

– Так бывает не всегда. Часто я хожу на интервью только с одним диктофоном, но этот случай особенный, так что начальство дало указание на максимальную... – журналист замолкает, подыскивая подходящее слово.

– На максимальную отработку потраченных средств, – подсказываю я.

– Да, можно и так сформулировать, – соглашается он. – Виктор, вы когда-нибудь раньше давали интервью?

– Ну, если не считать моих выступлений во время судебного процесса, то можно сказать – нет. Честно говоря, я думал, что сейчас, во времена развитых информационных технологий, интервью, как таковое, потеряет актуальность.

Журналист кивает:

– Да, вы правы – блоги, «Твиттер» и социальные сети серьезно пошатнули монополию СМИ на высказывания знаменитых людей, но большая часть аудитории у нас осталась. На самом деле построить увлекательный диалог не так просто. В том же «Твиттере» люди зачастую пишут самые будничные вещи, которые никому особо не интересны, поэтому моя работа еще не скоро потеряет актуальность. К тому же, мы проведем еще фото- и видеосъемку, так что можете не сомневаться – этот материал станет хитом.

– Я тоже зарегистрировался в социальных сетях, тебя это не смущает?

Мой собеседник качает головой:

– Нет, еще раз повторю – они нам пока не конкуренты. Ну что, похоже, мои ассистенты уже готовы и мы можем начинать.

...

После ухода журналистов я сижу на диване, смотрю в окно и думаю о том, что начинаю понимать, почему многие знаменитости не любят давать интервью. Тарасов свою работу определенно знал – он умел задавать наиболее острые и провокационные вопросы и делал это так, что туманными ответами было не отгородиться. Перед уходом он попрощался и сказал:

– Всего доброго, Виктор. Мне было приятно с вами работать.

Я не мог ответить ему тем же, но утешился осознанием того факта что теперь у меня появился шанс избежать казни и тем самым еще и насолить компании Тристар. Я подал ему руку и ответил:

– Удачи, Николай. Ваша корпорация еще не раз обо мне вспомнит.

Он согласно кивнул, явно вкладывая в мои слова не тот смысл, что я сам, после чего ушел. На следующий день я с самого утра звоню адвокату.

– Здравствуйте, Ярослав Витальевич. Ну что, можно начинать работу.

– Вот и хорошо, у меня уже все готово. Главное, чтобы ты не забывал о своих обязанностях. Как твоя социальная сфера?

– Все как вы и советовали. Я зарегистрировался на многих сайтах, уже даже веду кое-какую переписку. Пока что не так и много людей проявляют ко мне интерес.

– Имей терпение. Ты же создал страницы только вчера. Большая часть пользователей еще просто не узнала о том, что ты появился в соц. сетях. Могу на собственном опыте сказать, что скоро ты не будешь успевать отвечать на сообщения. Я завтра тебя навещу, сообщишь мне свои пароли, я передам их своему помощнику.

На этом мы и попрощались. Это время прошло без особых происшествий, если не считать того, что свободного времени у меня стало заметно меньше. Я, конечно, не отказывал себе в прогулках и еде, но всему остальному пришлось уделить меньше внимания, даже тренировку не удалось провести в полном объеме. В социальных сетях ко мне стало стучаться все больше людей – как известных мне, так и совершенно случайных. На удивление быстро меня нашли даже несколько настолько старых знакомых, что я с трудом уже помнил, как они выглядят. Впрочем, чему удивляться, если последний раз с некоторыми я виделся еще учась в старших классах школы. На общение с этой кучей людей нужно было выделять время, что я и делал, помня указания своего адвоката. Собственно говоря, когда он меня навестил, я как раз и сидел в «Контакте». Мы поздоровались и я опять обернулся к компьютеру.

– Одну минуту, Ярослав Витальевич, сейчас я тут пару предложений допишу...

Он садится в кресло и терпеливо ждет. Через пять минут Меренков все же решает напомнить о себе:

– Ты там что, поэму пишешь?

Я, собрав волю в кулак, выключаю компьютер.

Адвокат понимающе усмехается и спрашивает:

– Что, затягивает?

– Да, в определенной мере. Сложно вырваться – слишком много у меня страниц. Пока пересмотрел все до последней, уже нужно проверять сообщения на первых. Следую вашим советам и потому стараюсь никого не игнорировать.

– Старайся, это твоя часть работы. Ну а в целом, как впечатления? Не жалеешь, что так долго пренебрегал социальными сетями?

– Странные ощущения. Ко мне обращаются совершенно посторонние люди и просят добавить их в друзья, с такой же легкостью добавляют меня в свой список друзей, зачастую даже не спрашивая моего согласия. Простой пример – до заключения в одном подъезде со мной жил парень. Так вот мы с ним никогда даже не здоровались, просто встречались иногда возле дома, а сегодня утром он мне отправил сообщение. Предлагает дружить, зовет общаться на какой-то форум. Что ему мешало со мной познакомиться еще пару лет назад? Может дело в том, что я стал знаменитостью.

Адвокат соглашается:

– Да, может его привлекла твоя слава, но может и нет. Я в соц. сетях уже давно и часто сталкиваюсь с подобными ситуациями – соприкасаешься со случайным человеком, например по работе. Все ваше общение сводится к словам «Привет» – «Пока», а в «Контакте» он вдруг лезет к тебе в друзья, где, правда, ограничивается зачастую теми же фразами. Зачем добавлялся – непонятно.

– Да, знакомая ситуация. Я часто слышал о таких людях, а теперь вот пополнил зал трофеев многих из них – у некоторых в списке по три-четыре тысячи друзей. Ладно, не будем о грустном, вот записка с моими логинами и паролями.

Меренков забирает поданный мной лист бумаги, прячет в карман и говорит:

– Завтра я направлю в суд документы на пересмотр твоего приговора, так что жди всплеска ажиотажа вокруг своей персоны.

– Я с куда большим нетерпением буду ждать звонка Тарасова.

Адвокат расплывается в довольной улыбке:

– Да, тут ты конечно постарался. Вот бы увидеть его лицо, когда он узнает, что такая сенсация может растаять буквально на глазах. Хорошо, я тебя покидаю. Пока что ничего не предпринимай, в соц. сетях эту новость не комментируй – этим займется мой пресс-секретарь. Лучше пока на свои страницы не лезь, не мешай ему работать – вечером зайдешь и считаешь, что он там насочинял. И вообще помни о том, что твоя задача это расположить к себе людей, так что ни с кем не ссорься.

– Кроме Тарасова, – вставляю я.

– Да, с ним у тебя вряд ли получится дружеский разговор. До встречи, Виктор.

Адвокат уходит, а я снова сажусь за компьютер с мыслями о том, что он прав – социальные сети действительно затягивают, не зря их называют сетями. Если бы не было необходимости в таком общении, то я просто удалил бы свои страницы сл спокойной душой. А так регулярно возникало навязчивое желание зайти и посмотреть, какие новости появились за время моего отсутствия, кто что написал или как прокомментировал. В этот раз я не слишком долго просидел перед монитором, предпочтя интернету книгу.

На следующее утро я не то чтобы проснулся знаменитым. Ведь я и так был широко известным человеком, но действительно, имя мое замелькало в новостных лентах заметно чаще. Информация о том, что мой приговор может быть пересмотрен, наверняка всколыхнула и соц. сети, но туда я пока не заходил, следуя указаниям адвоката. Обед и прогулка прошли в обычном темпе, хотя пришлось по десять раз рассказывать охранникам, Сереге, Стасу, а затем и опоздавшему на встречу Антону о своих планах на спасение. Прошло уже полдня, но мне пока так и не позвонил Тарасов. Оставалось лишь догадываться почему. То ли он впал в ступор от новостей, то ли его начальство прибило. Только оказавшись снова в камере, я получил первый звонок, но это был не Тарасов, а мой адвокат.

– Привет, Виктор, ну что, как настроение?

– Здравствуйте, Ярослав Витальевич. Хорошо, что ваш секретарь принял на себя огонь из социальных сетей, я и так уже устал местным рассказывать о том, как я придумал подавать апелляцию и что собираюсь делать дальше.

– Это не совсем апелляция, ну да неважно, полагаю, юридические тонкости для тебя не слишком важны. Насчет своих социальных профилей – можешь сейчас зайти и почитать комментарии моего помощника, только сам пока ничего не пиши, оставь это дело ему.

– Ладно, сейчас так и сделаю и потом перезвоню вам.

На этом мы и закончили разговор. Я сел за компьютер и на добрый час потерялся на просторах интернета, читая новости, а также переписку на своих страницах. Пресс-секретарь моего защитника оказался настоящим мастером своего дела. Он написал короткие заявления о пересмотре дела и разместил их во всех социальных сетях, где я успел зарегистрироваться. Причем эти тексты на каждой странице были немного разными, интересными и информативными. Ему задавали много вопросов, на которые он всегда отвечал остроумно и по существу. Реагируя на оскорбления, а их было немало, Дима не конфликтовал, а старался заинтересовать написавшего каким-то нестандартным ответом. Так ссора перерастала в диалог. Работы ему действительно хватало, я бы на его месте не справился.

Прочитав всю переписку, я набрал адвоката. Он сразу взял трубку:

– Ну что, как впечатления?

– Снимаю шляпу, ваш помощник настоящий виртуоз. Долго он работал?

– Несколько часов. У него сейчас перерыв, который позволил тебе увидеть результаты его трудов.

– Теперь он может в свое удовольствие посидеть на своей странице «ВКонтакте». Кстати, а не заметит ли сходство наших литературных стилей какой-нибудь слишком внимательный журналист?

– Мой пресс-секретарь равнодушен к социальным сетям. Как видишь, ты не одинок в этом вопросе. Ну а в том, что за тебя тексты пишет другой человек, обвинения и так посыплются, даже если бы ты на самом деле самостоятельно вел записи. Тарасов не звонил?

– Нет. Как раз это интригует меня больше всего. Вы не слышали что-нибудь о нем?

– А каких новостей ты ждешь? – осведомился адвокат. – Бегущую строку во всех выпусках: «Известный журналист попал в больницу с инфарктом»? Думаю, он еще объявится.

На этом мы распрощались, а примерно через час произошло то, чего я так долго ждал – мне позвонил Тарасов. Ради такого разговора я даже отложил гантели, принял вызов и ... даже не успел ничего сказать.

– Виктор, да что ты творишь?! Ты соображаешь своей головой?! Какого черта ты требуешь пересмотра дела?! Мы же с тобой договорились...

Тарасов запнулся – от возмущения моим бессовестным поведением у него перехватило дыхание. Странно, казалось бы, уже давно должен был успокоиться, переварить информацию и не орать так в телефон. Пользуясь кратким затишьем, я решил хотя бы поздороваться:

– Здравствуй, Коля. Наконец-то ты решился перейти на «ты». И то сказать, давно пора.

Это стало катализатором для нового всплеска эмоций.

– Ты! Ты! – завизжал Николай. – Чем ты думал?! Я сегодня в кое-то веки взял выходной и вдруг мне звонит шеф и начинает на меня орать, что я не проконтролировал ситуацию и теперь все полетит псу под хвост! А все из-за тебя!

Я положил телефон на стол – такого крика могли не выдержать барабанные перепонки, да и нервы тоже. Еще около минуты из динамика доносились крики, к которым я не особо прислушивался, после чего поток недовольства как будто иссяк и я снова поднес мобильный к уху.

– Аллю, ты слышишь меня? Слышишь, спрашиваю?!

– Конечно, Коля, ты такой красноречивый.

Журналист опять не дал мне произнести больше одной фразы.

– Из-за твоей тупоголовой выходки у меня могут быть проблемы. Чем ты думал?

– Какие еще проблемы, Коля? Мы с тобой так мило пообщались в прошлый раз, а теперь ты так нелюбезно на меня кричишь. Ты, как я посмотрю, такой отважный по телефону. Я выполнил свою часть обязательств, вы свою, так что все в порядке, разве нет?

– А мой материал, мое интервью? Это была бы сенсация, хит, может даже «Алмазная премия», а кому оно будет интересно, если тебя не казнят?

Меня начинает разбирать смех. Чем больше Тарасов злится, тем смешнее мне становится.

– Да ладно тебе, Коля, не причитай, тошно слушать. Можно подумать, жизнь на этом закончилась. Ты же молодой, впереди наверняка еще не один хит, не одна сенсация, а чем черт не шутит – может даже не одна «Алмазная премия». Что это, кстати, такое?

– Ты из себя дурачка не строй. Это знаменитая премия, которую журналист может получить только за экстраординарный материал.

– И часто людей награждают?

– Ее вручают раз в год...

– Ух ты, как интересно, расскажи подробнее.

Я воспользовался приемом, подсмотренным у пресс-секретаря моего адвоката – пытался превратить ссору в диалог. Но мне искусства избегать конфликта не хватило – журналист хорошо помнил, что позвонил мне не для того, чтобы проводить ликбез.

– И у меня такой материал уже был в руках. Ты меня обманул, ты нарушил слово. Меня теперь начальник убить готов за те деньги, которые наша корпорация тебе выложила.

– Стоп, притормози. Деньги я получил за интервью, фото- и видеосъемку, свою часть договора выполнил и, соответственно, получил гонорар. Больше мы ни о чем не договаривались. Если мой приговор отменят и твое интервью из-за этого провалится, то можешь поверить, лично я буду просто безутешен. Ну а если начальство тебя убьет – так это же будет просто сенсация, разве не к этому ты стремишься? «Редактор выбросил в окно известного журналиста». Хорошо звучит, согласен?

– Не будет никакого пересмотра дела и отмены приговора тоже не будет, – тихо и злобно проговорил Тарасов. – Ты еще не знаешь с кем связался. Наше информагентство создаст тебе

такую антирекламу, что твоим именем можно будет детей пугать. Можешь даже не мечтать о спасении. Мы за тебя возьмемся и ты сам будешь не рад жизни. О тебе не останется доброй памяти ни у одного человека в мире.

Я понял, что нового уже ничего не услышу и завершил разговор. Тарасов не стал перебивать, да и зачем? Все было понятно – «Тристар» откопал топор войны и будет охотиться за моим скальпом. Похоже, что этот удар для журналиста оказался куда болезненнее, чем разбитый при первой встрече нос. Нужно было сообщить обо всем адвокату и я снова потянулся за телефоном.

Меренков не особо удивился новостям.

– Ну что же, этого следовало ожидать. Готовься, впереди волна, я бы даже сказал цунами, самого отборного компромата, который только можно выдумать.

Он немного помолчал и продолжил:

– Откровенно говоря, бороться с целым информагентством будет непросто, но нам с тобой отступать некуда. Я пушу в ход свои связи в СМИ, Дима поработает в социальных сетях и в блоге, ну а ты запасись терпением и ни с кем не ссорься – постараемся создать тебе хороший имидж. Кстати, я его приведу к тебе в гости на днях, пускай посмотрит на все своими глазами.

– Буду рад, хотелось бы увидеть человека, который с таким упорством пытается меня спасти.

Адвокат засмеялся:

– Ну, я его не ради этого приведу, хотя ты прав – познакомиться с ним стоит, он парень действительно интересный. Ему нужно окунуться в местную атмосферу, чтобы потом было о чем писать в блоге – он планирует целую серию заметок о жизни в тюрьме. В его изложении это наверняка будет очень занимательно.

Ближайшие дня три ничего особо интересного не происходило – окружающие уже знали о том, что я надеюсь избежать приговора, по десять раз получили ответы на одни и те же вопросы и постепенно успокоились. В соц. сетях я почти не общался, только с интересом читал переписку Димы и ждал новостей от адвоката. Компания «Тристар» лично меня не беспокоила, зато по всем каналам связи не упускала случая облить мое имя грязью. Они с поразительным упорством раскапывали какие-то такие аспекты моей жизни, о которых я и сам давно забыл, потом преподносили их в искаженном свете, добавляли парочку двусмысленных комментариев и все – компромат готов.

Мой адвокат сдержал обещание – в самом скором времени он пришел ко мне в компании молодого парня, худощавого, светловолосого и с легкой щетиной.

– Знакомься, Виктор. Это и есть мой пресс-секретарь Дима.

Мы обменялись рукопожатиями, расселись кто где, после чего Дима достал из кармана диктофон и положил его на стол. Время от времени он потирал рукой подбородок. Заметив мой взгляд, он улыбнулся и объяснил:

– Пора побриться, да все руки не доходят.

Меренков проворчал:

– Не прибедняйся, можно подумать ты сутками из-за компьютера не встаешь.

Откровенно говоря, я был склонен думать, что так оно и есть, учитывая тот факт, что переписка на моих страницах велась зачастую и ночью. Меня особенно заинтересовала принесенная аппаратура.

– Дима, а диктофон зачем? Интервью брать будешь?

– Да, можно и так сказать, – ответил он. – Хочу, чтобы ты мне рассказал о себе, я позже из этого рассказ сделаю. Ну а запись потом поможет оживить воспоминания, если я что-то сейчас пропущу.

– Ладно, но я даже не знаю, многое ли можно рассказывать о местной жизни, это же режимное заведение, как бы мне интернет не отрезали за то, что выкладываю в сеть такие сведения.

– Не бойся, я потом отредактирую и сумею различить, что можно на весь мир сообщать, а что нельзя, – успокоил меня адвокат. – Никакие тайны в публикацию не просочатся.

И я начал говорить. Сначала немного о себе: о жизни до заключения, во время судебного процесса, затем о пребывании в камере. О том, как оказавшись за решеткой, старался не деградировать, развиваться дальше. Как углубился в изучение языков и истории, добился права на личное спортивное оборудование.

– Для тебя так важно продолжать жить полноценной жизнью? – уточнил Дима.

– Да. Мне кажется, что если я сейчас махну на себя рукой, то начиная с этого момента стану медленно умирать. Если же погибнет моя личность, то стоит ли вообще прилагать усилия для спасения тела? Поэтому я наоборот стараюсь как можно больше всего успеть. Меня толкает вперед не только жажда знаний, но и чувство того, что в таком темпе жизнь действительно продолжается. Ну, ты сам понимаешь...

– Понимаю, – кивнул Дима. – Хочется чувствовать пульс жизни.

Потом он попросил рассказать о местных жителях, всех тех, кто делил со мной эту территорию. Я поведал ему о начальнике тюрьмы и охранниках, о моих друзьях Стасе, Серге и Антоне, потом вспомнил некоторых других зэков. Странно, многое из того что Тарасов вытягивал из меня буквально клещами, Диме я рассказывал совершенно свободно. Он слушал, кивал, иногда что-то переспрашивал, время от времени сам отвечал на поставленные мной вопросы. Мы общались довольно долго. Адвокат в разговор не вмешивался, но, похоже, и не скучал. Он тоже внимательно слушал мою историю.

Когда я закончил свой рассказ, Дима потянулся к диктофону и выключил его.

– Как ты свою серию заметок назовешь? Исповедь заключенного? – спросил я.

– Не думал еще об этом, – ответил мой собеседник. – А все ли из того что ты рассказал можно смело выложить в интернете?

– Пожалуйста, – кивнул я. – Никаких своих сокровенных тайн я тебе вроде не сообщил. У меня к тебе еще вопрос. Трудно столько времени проводить в социальных сетях?

Дима задумался, потом кивнул и сказал:

– По-своему – нелегко. Для меня это не так обременительно, потому что каждый день я захожу на твои страницы. Там меня ожидает новый вызов – какая-нибудь претензия, которую нужно превратить не в ссору, а в разговор или какая-то новость, которую нужно оригинально прокомментировать. Ну, или просто написать что-то такое, что привлечет внимание читателей. То есть моя работа – это напряженная умственная деятельность, умение быстро реагировать на любые смены настроения окружающих и приковывать к себе интерес. У меня трудная, но увлекательная задача – сделать твои страницы сверхпопулярными. А сидеть в социальных сетях или на форумах от нечего делать – перечитывать по сто раз одни и те же цитаты, обмениваться страшными оскорблениями по малейшему поводу, а то и вовсе без повода, выкладывать давно всеми виденные картинки... – Дима пожал плечами. – Я в этом ни смысла, ни интереса не вижу. У меня даже страниц своих ни в одной сети нет.

– И не появятся? – интересуюсь я.

– Думаю, что нет. Мне хватает того, что на сайте нашей компании часто приходится вести обширную переписку.

На этом мы и распрощались. Меренков обещал зайти через пару дней, а до визита держать меня в курсе событий в телефонном режиме. Я, в свою очередь, пригласил Диму еще приходить, если получится – мне было интересно с ним поговорить.

За это время ничего нового не произошло. Адвокат исправно звонил каждый день, а на третий вечер пришел в гости, но ничего нового не сообщил. По его собственным словам про-

цесс пересмотра приговора мог затянуться надолго, так что мне оставалось только запастись терпением. Мы договорились созваниваться каждый день, и жизнь потекла своим чередом. Социальные сети вовсе не оказались для меня тяжким бременем – пресс-секретарь меня оттуда почти вытеснил, мне зачастую оставалось только читать его переписку. Зато я оказался буквально привязан к интернет-устройствам, ведь мне присылали сообщения не только новые, но и старые друзья. Поэтому когда они писали что-то такое, что было понятно только мне, Дима не рисковал отвечать отсебятиной и связывался со мной, а уже мне приходилось срочно его заменять.

От нечего делать я развлекался, наблюдая за разными странными людьми, которые добавлялись ко мне в друзья. Например, первый из добавленных в список «друзей» ограничивал все наше общение только одной фразой «Доброе утро», зато писал это с поразительной скрупулезностью каждый день. Но это было хоть какое-то проявление внимания. А хватало и таких, которые вообще никогда не писали. Многие рассматривали социальную сеть как поле для торговли. Профили таких людей напоминали арт-галерею, с той лишь разницей, что вместо картин там размещались десятки разнообразных рекламных баннеров на любую тематику. Для владельцев подобных страниц все общение зачастую сводилось к рассказу о том, какой товар или услугу можно получить с их помощью.

Дима выполнял свою работу, адвокат – свою, а я оказался в роли стороннего наблюдателя, который просто смотрел, как противники перетягивают канат. «Тристар» не спешил признавать свое поражение и по мере сил продолжал меня компрометировать, к чему я, признаться, начал привыкать. Хотя частенько в СМИ стали мелькать сюжеты, которые освещали меня с лучшей стороны. Оставалось только гадать, кому я обязан такой рекламой – то ли связям Меренкова, то ли конкурентам того же «Тристара», радовавшимся их неудаче. И в целом нужно было признать – меры, придуманные адвокатом для моей популяризации, оказались эффективными. В интернете я становился каким-то модным трендом, список друзей в соц. сетях постепенно рос. Меня теперь чаще называли не «известный преступник», а «известный блоггер» и это был весомый статус в интернет-пространстве.

«Тристар» даже пытался со мной судиться, чтобы отнять гонорар за интервью, но тут Меренков разбил их в пух и прах. Денег они не получили, процесс проиграли, в блоге были иронично и остроумно высмеяны Димой, что, конечно же, не добавило им дружелюбия.

Времени свободного хватало, и я решил заняться изучением общественного мнения в вопросах амнистии. Особенно меня интересовало отношение людей к моей персоне. Я бродил по форумам, читал комментарии и видел, что чаши весов находятся в равновесии. Далеко не все безоговорочно верили тому компромату, который стряпал «Тристар», но поверивших хватало. Приходилось констатировать, что с такой корпорацией ссориться не следовало. К сожалению, в свое время я не нашел другого способа раздобыть деньги на адвоката, а теперь пытаться мириться с ними было уже поздно.

5. Шоу

Со времени объявления мне войны Тарасовым прошло уже около четырех недель, когда на внутреннем форуме прошел первый слух о реалити-шоу. Толком никто ничего не знал. Точно известно было только то, что в нашей тюрьме будут проходить съемки, но кто и когда станет участвовать, а также цель программы оставались тайной. Мне не удалось даже найти первоисточник этой информации. Ну а заключенных эта новость заразила как чума. Строили самые разные догадки и предположения, многое выдумывали, наверное, и сами. Даже мои повернутые на спорте друзья не смогли избежать ее обсуждения. Меня эта тема только смешила. Более глупого шоу, чем тюремное, я не мог даже представить. Все же Антон и от меня потребовал озвучить свое мнение.

– Ну чего ты молчишь, Витек? Вот, глядишь, скоро звездами станем. Тебе что, совсем не интересно?

Вместо меня ответил Стас:

– Ты не забывай, он и без того знаменитость, так что может сохранять к этой новости полнейшее равнодушие.

– К тому же я все равно в нем участвовать не смогу, – добавил я.

– Может вообще никакого шоу не будет, – решил внести свою лепту Серега.

К нам подошел охранник.

– Иванчук, к тебе гости.

Если честно, я мог и упереться, время прогулки еще не закончилось, но я был заинтригован. Кто же решил меня навестить? Это не адвокат – мы не договаривались о встрече, и уж наверняка не Тарасов. Кому же удалось добиться права на свидание? Разумеется, когда стартует это чертово шоу, пропускная система станет проще. Глядишь, мне и с родными разрешат увидеться, но пока? В камере меня уже ждал человек.

– Ну что, давай знакомиться, Виктор. Меня зовут Владимир Гольцев, я сотрудник информгентства СТЛ.

– Будем знакомы, думаю мне представляться не нужно. У меня свободного времени хватает, в отличие от тебя, поэтому давай к делу. Какова цель визита?

– Ответить не трудно. Нам нужно твое участие в реалити-шоу.

Я внезапно понял, что Тарасов оказал мне огромную услугу. Да, воистину ценность некоторых вещей узнаешь только со временем. Я широко и искренне улыбнулся и сказал:

– Извини, должен тебя разочаровать. Я связан контрактом с компанией «Тристар». Я дал им интервью и по условиям нашего договора больше не могу давать интервью никому, а для участия в вашем шоу общение с журналистами наверняка немаловажная вещь.

Еще один стервятник на мою голову. Что-то рано они стали кружиться, впрочем, падальщики всегда хорошо слышат запах смерти. Надеюсь, что я от нее все-таки еще далек. Тарасов планировал меня использовать, но на самом деле это я от него получил то, что хотел. Ничего больше мне как будто не нужно, так что следует отказать этому визитеру. Стервятник вернул мне мою улыбку, правда в более искаженной и язвительной форме.

– Именно об этом я и хотел поговорить. Ты завел блог, сидишь в «Контакте» и на «Фейсбуке», общаешься в «Твиттере», хотя раньше этим не страдал. В чем же дело? Решил напоследок наверстать упущенное многолетнее кибер-молчание? Можешь не отвечать. Я работаю над формированием общественного мнения много лет. Пытаешься создать себе блестящий имидж? Валяй, люди падки на все блестящее. «Тристар» из кожи лезет вон, пытаюсь представить тебя в черном цвете. Еще бы – у них в руках клад, который ни черта не будет стоить, если ты останешься жив. Тебя взял под крыло Меренков, и теперь ты как слепой щенок следуешь

всем его советам. Думаешь, он в состоянии сделать из тебя любимца публики, когда против вас такой враг?

Я лишь фыркнул и пожал плечами. Гольцев же продолжил:

– Вижу – тебе не нравятся мои слова. Хочешь на меня броситься, как когда-то на Тарасова? Он об этом никому не говорил, ты тоже не хвастался, но я знаю. Как видишь, мне доступно многое. Можешь сделать соответствующие выводы. Это интервью с последним осужденным было настоящей находкой для «Тристар». Они дали обширную рекламу, их рейтинг резко подскочил и даже теперь, когда неизвестно, чем все закончится, они пожидают плоды этой шумихи. Когда мы узнали про интервью, наш директор собрал всех лучших работников и дал задание – нанести ответный удар, выдумать свой проект, который затмит конкурента. В итоге победила моя идея – реалити-шоу в тюрьме, в твоей тюрьме.

Я слушал молча. Не станет же он принуждать меня к сотрудничеству под пытками! Увидев, что я не спешу ему отвечать, он продолжил свою речь.

– Так вот, победитель нашего шоу получит досрочное освобождение, которое тебе, разумеется, не светит, но участвовать в проекте ты будешь. Именно ты тот магнит, к которому прикованы взгляды. Такой проект был бы удачен в любой другой тюрьме, но в этой он должен стать сногшибательным, а ты для этого постарайся. Конечно, ты не будешь участвовать наравне с другими, но сможешь давать интервью, высказывать свои соображения и прогнозы на победу. Короче, твоя задача – мелькать в кадре и подогревать интерес.

– Твое шоу у меня кроме смеха ничего не вызывает. Не буду я в нем участвовать, болтаться на съемках и трепать языком, ясно? К тому же у меня контракт, по которому я не даю интервью.

– Будешь, – уверенно ответил мой гость. – Ты слишком хорошая приманка, чтобы от тебя отказываться. Лучше со мной не ссориться.

– Видал я таких умников, – проворчал я. – Тарасов то же самое пел, а теперь с сожалением вспоминает те благословенные времена, когда еще не был со мной знаком.

Гольцев иронично посмотрел на меня и сказал:

– А ты о себе высокого мнения, как я посмотрю.

– А ты о себе тоже.

– Да, – невозмутимо кивнул он. – Поверь, у меня есть для этого причины.

Да, ради такого визитера прогулку не стоило прерывать. Гольцев же пускается в подробные разъяснения своего плана. Фразы звучат коротко и безапелляционно, как приказы:

– Контракт аннулируешь. «Тристар», разумеется, подаст на тебя в суд, потребует назад деньги, а ты их, конечно, давно отдал Меренкову. Неустойку мы заплатим. Все – ты свободен, контракта нет, обязательств нет, сможешь готовиться к своей звездной роли. Такой себе философ, созерцающий свысока бешеную гонку желающих вырваться, прославиться или чего они еще там желают.

Гольцев пренебрежительно взмахнул рукой, демонстрируя полное равнодушие к устремлениям будущих участников.

– Тарасов сейчас пытается тебя очернить и у него неплохо получается, но поверь – это ничто по сравнению с тем, как ты будешь выглядеть, если два самых больших информагентства возьмутся за тебя вместе. Твой шанс на спасение – это благосклонность общественного мнения. Посмотри на меня – я создаю это мнение, я говорю людям за кого голосовать, во что верить, к чьим советам прислушиваться, что одевать, что жрать и что пить. И я смогу при желании нарисовать тебя в глазах людей человеком хорошим. Пусть оступившимся, но достойным оправдания. «Тристар», как якорь, будет тянуть тебя на дно, а мы поможем выплыть. Что скажешь?

Мне уже начинает надоедать этот человек, но в то же время я понимаю, что он во многом прав. Если его агентство также начнет промывать мозги телезрителям и интернет-пользовате-

лям, то, скорее всего, оправдания мне не видать. В судебной системе тоже ведь работают люди. Даже если они равнодушны к общественному мнению, то на них вполне могут надавить. Для меня, конечно, лучше, если давить на них будут только с одной стороны, а не «Тристар» и СТЛ вместе. Я все-таки решился показать зубы, а то этот журналист как-то уж слишком увлекся самолюбованием, описывая свое безграничное могущество.

– Ты не переоцениваешь свои силы? Можно подумать, без твоей подсказки никто и шагу ступить не может.

– Разумеется, может. Шагает-то каждый обыватель самостоятельно, но именно я, также как мои коллеги и конкуренты, направляю эти шаги. Возможности нашей корпорации велики. Мы сделаем все, чтобы наша будущая звезда не сгорела на электрическом стуле. Тебя когда-нибудь било током? Ты соображаешь, что представляет собой подобная казнь? Я ни разу не наблюдал за таким процессом, но от коллег по цеху наслушался. Хочешь, я тебе расскажу? То, что я могу поведать, ты не найдешь в энциклопедиях. Говорят, что человек не испытывает боли, но кто знает наверняка? Те, кто знают, уже не смогут рассказать, – закончил он с едкой улыбкой.

Пополнять ряды обладающих этим знанием мне не хотелось. Но и стать разменной монетой для двух мощных корпораций я тоже не желал, о чем и поведал собеседнику.

– А ты ей и не будешь, – сказал Гольцев. – Рассматривай себя, как человека огромной важности, так сказать VIP-персону, за чье внимание схлестнулись такие титаны. Гордись собой! Я понимаю, ты не рад своей славе, но если отказаться от нее не можешь, то научись извлекать из нее пользу. Преврати врага в союзника. Честно говоря, Тарасова ты ловко нагрел. Ему, кстати, грозит увольнение и это еще самая маленькая неприятность из длинного списка проблем, если тебя не казнят. Я долго смеялся, когда узнал, что ты хочешь подать апелляцию на свой приговор. Ну что, уничтожим Тарасова? Это будет справедливо, он же мечтает сжить со свету тебя. Итак, мы создаем тебе блестящий образ и делаем из тебя звезду реалити-шоу, а ты продвигаешь наш проект. Можешь посоветоваться с адвокатом, он ведь тоже заинтересован в твоей судьбе, ну а мне пора. До свидания. Да, о нашем разговоре Меренкову расскажи лучше при встрече, а не по телефону.

– Ты мне лучше скажи, по какому это праву ваша контора собирается предлагать досрочное освобождение кому бы то ни было. Что за новый законопроект?

– Все очень просто – амнистия, – ввел меня в курс дела Гольцев. – Мы же не собираемся выпускать на волю закоренелых убийц или насильников. А вот под правомерность амнистии попадают очень многие из тех, кто будет участвовать в нашем шоу, так что здесь все без обмана. Добиться преждевременного освобождения для одного из воров или, допустим, мошенников нам вполне по силам. Это не вызовет возмущения у широкой общественности. Ладно, мне пора, до скорой встречи.

На следующий день я озвучил адвокату предложение СТЛ и оно его заинтересовало.

– Знаешь, а ведь это хорошая идея. Их корпорация тоже обладает большим весом, они смогут раскрасить твой портрет самыми привлекательными красками.

– Ну, меня смущает сумма, за которую они готовы выкупить меня у «Тристар». Деньги ошеломительно большие и я не понимаю их готовности такой капитал за меня заплатить. Все это похоже на какую-то аферу, в которой роль обманутой жертвы, похоже, уготована мне.

Меренков махнул рукой, прерывая мою тираду:

– Виктор, я тебя умоляю. Это только для тебя гонорар за интервью кажется астрономическим, а боссы СТЛ на одном голосовании от заключенных и их родственников надеются заработать раза в три больше. Так что как раз с этой стороны опасаться нечего. Поверь, в этой компании работают люди, которые отлично умеют считать деньги, иначе они бы давно разорились. Бизнес-план составлен, все риски сведены до минимума, прибыль рассчитана и уже поделена. А тебе остается только присоединиться к этой команде.

– Значит, вы советуете соглашаться?

– А что же еще остается делать? Гольцев прав, если ты откажешься от их предложения, то они постараются тебя совсем утопить. Однако во всем нужно искать свои плюсы – например блог и социальные сети ты сможешь закрыть. Они наверняка захотят иметь эксклюзивные права на слова и мысли своих подопечных, поэтому высказываться вы будете только на видеозаписях передачи. Ну, возможно, еще на их сайте.

– Но ведь они не могут запретить нам общаться в социальных сетях? Это же незаконно – ограничение свободы слова и все такое.

– А они и не будут этого делать. Вы сами откажетесь. Подпишете контракты, в которых будет указано, что на время участия в этой программе вы прекращаете всю внешнюю социальную активность.

– Ну и черт с ними, с социальными сетями. Я не особо расстроен. Что теперь? Звонить Гольцеву, говорить, что я согласен?

– Не спеши. Ты не совсем пешка, глядишь, еще и в ферзя превратишься. Ты не думал, что будет, если мы с тобой выиграем процесс? Что дальше? Получишь пожизненное или длительное заключение. А может в результате пересмотра тебя и вовсе оправдают?

– Я так далеко не заглядывал. Отмена казни для меня казалась недостижимой как горизонт. Вот когда я его, вопреки законам физики, все-же достигну, тогда и буду смотреть, что там дальше, а пока у меня нет сил загадывать.

Меренков задумчиво посмотрел на меня.

– Ты так спешил добиться пересмотра дела, что совсем не пробовал заглянуть в будущее. Наверняка, мне ты отдал всю сумму, полученную за интервью, и даже не подумал, на что ты будешь жить, если тебя вдруг выпустят отсюда. Ты давно не работал, к тому же имеешь судимость. Не так уж легко будет куда-нибудь устроиться.

– Я вообще об этом не думал.

– Оно и видно, – неодобрительно бросил адвокат. – Мой тебе совет – поторгуйся с СТЛ, они смогут заплатить больше, чем просто неустойку «Тристару». Деньги никогда не бывают лишними и тебе еще обязательно пригодятся.

Я все свои силы отдал на борьбу за выживание и не мог найти в себе мотивации бороться за гонорар. Меренков, наверное, увидел мою опустошенность и кивнул головой.

– Понимаю, силы на исходе, но для этого ты меня и пригласил. Если ты не против, то я возьму на себя переговоры о контракте с СТЛ, в том числе и финансовую сторону вопроса.

Я молча кивнул. В глазах адвоката загорелся огонек предвкушения.

– Я о Гольцеве наслышан – он умеет добиваться своего, используя для этого абсолютно любые средства. Думаю, мне предстоит интересная схватка. Не буду откладывать в долгий ящик, постараюсь встретиться с ним завтра же, после чего с новостями сразу к тебе. Да, в социальные сети сейчас загляни, пока это право у тебя не отобрали, пользуйся, собирай лайки. До свиданья.

Буквально на следующий день адвокат сообщил, что ему все удалось. Корпорация СТЛ согласилась не только выплатить неустойку «Тристару», но и раскошелилась на серьезный гонорар для меня. К тому же Гольцев обещал создать мне столь хороший имидж, что можно хоть в парламент баллотироваться. За это я должен был сделать все для успеха их шоу.

В заключении я всегда держался отчужденно, старался ни с кем не ссориться, но и в друзья никому не набивался. Может из-за того, что считал свое пребывание здесь кратковременным и не хотел обзаводиться привязанностями. К тому же меня раздражала местная публика – в тюрьме, вырванные из привычного жизненного цикла, многие эки стали заядлыми интернетчиками. Это не говоря уже о тех, кто и раньше проводил там почти все свободное время. Опасные, разрисованные татуировками и шрамами преступники вели себя, как заблудившиеся в мировой паутине дети. Они сотнями выкладывали фотки в Инстаграмм, часами сидели

в блогах и с энтузиазмом выращивали растения или зверей в онлайн-играх. Не раз мне приходилось слышать диалоги в стиле: «Привет, Саня, я тебя неделю не видел, где пропадал? – Да в больничке отлеживался, слушай, я спешу, у нас там рейд в танках, давай вечером на форуме побазарим».

Начальство не возражало – так было гораздо проще отследить, кто с кем спорит и о чем договаривается. Понятно, что зэки тайные дела так не решали, но все же администрация могла хотя бы поверхностно следить за настроениями толпы. Да, теперь разборки происходили все больше на форумах, правда пару раз пустяковые, казалось бы, ссоры заканчивались настоящими потасовками с переломами и поножовщиной. Это на обычном форуме люди могли быть из разных городов или даже стран. Они смело поливали друг друга грязью и угрожали страшными карами, если вычислят место нахождения оппонента. Здесь все друг друга знали в лицо и, как говорится, «за базар приходилось отвечать».

Рано или поздно это должно было закончиться плохо. Так и случилось – в одной онлайн-игре двое заключенных не поделили найденный посох и устроили битву. Победитель получил найденный артефакт, попутно отправив проигравшего на тот свет. Но тот был не лыком шит и восстановил справедливость, зарезав обидчика уже в реальной жизни. Вот здесь терпение у начальства лопнуло и зэкам отключили интернет. Жалобы адвокатам и в СМИ ничего не дали – формулировку «в интересах следствия» не так уж легко оспорить. Две недели без привычных развлечений кого угодно сделают шелковым. Уголовники злились, матерились и, в конце концов, единогласно согласились не переносить игровые конфликты за пределы монитора. Администрация вернула доступ в сеть и поставила особого надзирателя – Сверчка. Его задачей в данном случае стало вычисление любого нарушителя этого пакта и вечное исключение его из онлайн-игр. Перед лицом такой страшной угрозы не могло быть героев и бунтовщиков.

Сверчка окружал ореол легенд. Его никто из заключенных не видел, никто не знал где его камера-одиночка. Он питался отдельно, гулял отдельно, если вообще гулял. Говорили, что он никогда не спит, но в это я, конечно, не верил. Однако против фактов не попрешь – его компьютер оставался на связи 24 часа в сутки. На свободе он почти все время проводил за монитором – игры, «Твиттер», форумы. Денег на жизнь катастрофически не хватало, поэтому он взялся за махинации с банковскими сайтами, где со временем и прокололся. Оказавшись на зоне, он не растерялся, доказал свою полезность начальству и стал системным администратором для прочих заключенных.

Здесь ему было уютно – никто не гонит на поиски работы, не запрещает есть за компьютером, не критикует образ жизни. По крайней мере, такие истории он рассказывал мне в переписке. Другие люди читали от него другие сказки, короче свою легендарность он создавал сам. Сверчок вскоре стал незаменимым. Он с энтузиазмом поддерживал локальную сеть для заключенных, следил, чтобы ни у кого не было проблем с интернетом, героически боролся со спамом и охотился за вирусами. Иногда даже консультировал IT-специалистов, которые заведовали «локалкой» всей тюрьмы. Он был также нужен и зэкам – всегда охотно взламывал игровые сайты и делился добычей со всеми желающими. Начальство на эти выходки смотрело сквозь пальцы. К тому же Сверчок и сам писал программы и выкладывал их для всеобщего пользования. Другими словами, человек нашел свое место в жизни, о чем же еще можно мечтать?

Периодически он пытался увлечь меня онлайн-играми, полагая, что раз я сижу в «одиночке», значит заняться мне больше все равно нечем. Однажды в переписке он поделился со мной радостью:

– Слушай, ты вот сидишь и скучаешь, а я скоро в своей любимой игре, «Палладия» называется, целый континент завоюю. Раньше не удавалось, зато теперь...

– А что поменялось? – спросил я.

– Я в паре долгое время играл, – было видно, что Сверчка распирает от восторга. – У меня напарник просто мастер, но из-за своей чертовой работы он не мог уделять игре столько времени, чтобы мы действительно стали лучшей коалицией в игровом мире.

– Так нашел бы другого помощника.

– Э, нет, не так оно и просто. Но теперь все будет по-другому. Короче прикинь – его к нам посадили.

Сверчок жил какими-то отстраненными критериями. Тюремное заключение не особо на нем отразилось, и похоже ему и в голову не приходило, что для кого-то это может быть серьезным стрессом.

– И что – его этот факт так же переполняет энтузиазмом, как и тебя?

– Сперва он запаниковал – пока его судили даже на связь не выходил. Я сначала и сам слегка занервничал – в игре не появляется, в социальных сетях тоже. Мало ли что с человеком произошло? А потом все выяснилось. Сегодня утром написал мне письмо и сказал, что мы с ним теперь соседи. Кстати, он сам первый и предложил поскорее в игру вернуться.

– А он знал, что ты в тюрьме сидишь? – интересуюсь я.

– Да я этого и не скрывал. Ну ничего – оботрется, поймет, что здесь к чему и мы с ним теперь такое замутим... Я тебе точно говорю – все расы Палладыи склонят перед нами головы.

– Что, настолько увлекательная игра?

– Ты себе даже не представляешь! Огромные армии, которые ты посылаешь в бой, политические интриги, альянсы, захват новых земель. Ай, да что там говорить – всего и не перечислить. Вообще мне повезло в свое время с ним союз заключить – его во вселенной Палладыи очень уважают, с таким союзником можно ничего не бояться. Он столько сил положил, чтобы своего статуса добиться, все свободное время в игре проводил.

– А за пределами игрового мира он кем, вообще, работал? Чем занимался?

– Ну кем он там был, – я мысленно представил, как Сверчок пренебрежительно кричится. – Каким-то мелким менеджером работал, а теперь и вовсе за решетку загремел.

– Понятно. А в игре он кто?

– Император.

Такой емкий ответ как будто приглашал почувствовать разницу между привлекательностью виртуальной жизни и скудностью реальности. Кому же захочется быть каким-то несчастным менеджером, если есть возможность повелевать империей, принимать судьбоносные решения, купаться в лучах славы и управлять армиями верных вассалов. Это куда интереснее, чем решать ежедневные, бытовые проблемы и гораздо проще, чем добиваться действительно амбициозных целей в настоящей жизни. Сверчок не дал мне времени долго предаваться подобным размышлениям.

– Ну что, не надумал к нам присоединиться? Мы бы тебе сначала какое-нибудь графство выделили, войсками бы помогли, по знакомству, так сказать. А со временем и ты смог бы чего-нибудь стоящего в этой жизни добиться.

– Спасибо, я еще подумаю.

Я обедаю и выхожу на прогулку, людей во дворе на удивление мало, из моих друзей нет никого. Делать нечего – подхожу к еще одному знакомому, с которым иногда перебрасывался парой слов на прогулках, здороваюсь, сажусь рядом. Его зовут Андрей, сидеть ему еще около трех лет и сейчас он явно чем-то взволнован.

– Что происходит, ты чего такой дерганый и где вообще все?

– Ты слыхал, наверное, про шоу и все такое. Сегодня будет проходить кастинг среди заключенных, есть реальный шанс туда встрять.

Понятно, вся толпа рванулась на освоение новой территории. Интересно, по каким критериям у них там отбор? А у меня, выходит, что-то типа специального приглашения на этот

театр абсурда и я избавлен от необходимости давиться в очередях. Я ловлю себя на мысли, что чувствовать себя избранным приятно даже в такой ситуации. Мне становится смешно.

– Ну а ты решил демонстративно в этой гонке не участвовать? – спрашиваю я.

– Да нет, что ты. Просто сейчас отбор во втором корпусе, а у нас будет чуть позже.

Мы сидим молча минут пять – он крутится, как на сковородке, ломает пальцы, постукивает по колену, встает, садится, роняет сигареты. Мыслями он очень далеко от меня. Неожиданно его прорывает:

– Слушай это такой шанс, ты не представляешь. Если я попаду в этот проект, то смогу раньше отсюда выйти. Мне еще черт знает сколько здесь торчать, а так раз-два и я на свободе. Когда меня посадили, я думал, что срок – это бесконечно, но вот два года прошло, три осталось. Я не погиб, не сошел с ума, не стал наркоманом, даже клаустрофобию не схлопотал, но и жизнью это назвать нельзя. Сидеть еще так долго, что останется от меня через три года? А если повезет, если я выиграю, то через четыре-пять месяцев меня здесь давно не будет.

Я молчу. Через пять месяцев меня и самого здесь уже может не быть, правда, совсем по другой причине и мысли об этом не добавляют разговорчивости. Обсуждать шоу мне не хочется, а говорить о чем-то другом Андрей видно просто не в состоянии. Он меня, наверняка, даже не услышит. Вскоре он уходит в свою камеру, сказал, что будет готовиться к кастингу, а я, побродив по дворику, возвращаюсь в свою. К шести часам ко мне приходит адвокат, от него просто веет оптимизмом. Он кладет на стол флешку и садится.

– Здравствуй, Виктор. Как я и предполагал, доступ к социальным сетям для вас скоро будет ограничен. СТЛ почти подготовил образцы контрактов для участников и это одно из главных условий. У меня для тебя здесь целый ворох инструкций...

– От СТЛ? – спрашиваю я.

– Нет, нам с тобой нужно о своей выгоде помнить. Требования СТЛ они тебе сами изложат, а здесь общие рекомендации для людей, которые хотят понравиться окружающим, точнее – широким слоям населения.

– Очень интересно, а почему ко мне раньше не попал этот чудо-рецепт?

– Необходимости не было. Раньше все, что появлялось под твоим авторством, писал Дима, а теперь ты должен покорить толпу сам. Нужно знать, о чем говорить, о чем промолчать, на чем заострить внимание. Рядом с тобой больше не будет советчиков, которые напишут монолог, исправят осанку или произношение.

– Как, а режиссеры и операторы шоу?

– У них свои цели, а у тебя свои. Им нужно, чтобы передача вышла интересной, захватывающей, чтобы ее обсуждали все от мала до велика. Твоя же задача – завоевать сердца миллионов, вызвать у людей симпатию. Ты же не думаешь, что режиссеры шоу только о твоём спасении и думают? Им там нужны будут и герои и антигерои, тебе же нужно любой ценой попасть в первую категорию. Социологи и психологи немало потрудились, выясняя какими качествами, чертами характера и взглядами должен обладать человек, который хочет понравиться публике. Я думал отправить инструкции по почте, но потом решил, что лучше принести их лично. Как говорится, все новое – это хорошо забытое старое. Профессия почтальона опять актуальна.

Его энтузиазм оказался заразителен. Я беру флешку и собираюсь вставить в разъем, но Меренков меня останавливает:

– Сядь, у тебя будет много времени, когда я уйду. У меня есть хорошие новости, я даже сам не ожидал, что это нам удастся. СТЛ добьются для тебя права на встречу с родителями.

Я вскакиваю с кровати, как ужаленный, и засыпаю его вопросами:

– Когда? Где? Как им удалось договориться? – и внезапно меня прожгла догадка. Я вспомнил, что мне обещали свидание перед казнью. Ноги подкосились и я сел обратно.

Адвокат удивленно смотрит на мое мгновенно помертвевшее лицо:

– Ты рад? Или не рад? Успокойся, на вопрос «Где?» ответить не трудно, ваша встреча состоится здесь, в тюрьме. Ты же не думал, что ради этого тебя выпустят на волю? Насчет даты я еще ничего не знаю, но будь терпелив, в конце концов, разрешенной встречи дожидаться можно.

– Вы знаете, что начальник тюрьмы обещал, что я увижу родных перед исполнением приговора? Как мне расценивать вашу новость?

Адвокат качает головой:

– Нет, о казни и речи быть не может, просто возможности СТЛ велики и они смогли добиться разрешения. Если бы тебя готовились казнить, я бы быстро об этом узнал.

Я смотрю на адвоката. Как быстро он сообщит мне, если такая информация к нему действительно поступит? Интересно, сколько он сам заработает от СТЛ по условиям нового контракта, который скоро будет готов.

– Неужели ты не поверил словам Гольцева? – спрашивает Меренков. – Ему действительно не выгодно позволять казнить главную звезду, так что на время участия в шоу ты можешь ни о чем не беспокоиться.

– Да, если они не планируют приурочить мою смерть к завершению шоу. Этакое эффектное окончание мероприятия – прямая трансляция казни с платными входными билетами и правом фотографироваться с осужденным до и после казни. Как следствие – заоблачные рейтинги и публика, настойчиво требующая продолжения. Второй сезон, новые герои, надежды, переживания и все такое прочее.

– Ты мрачно настроен, смотри в будущее с оптимизмом. Согласись, поводов для этого у тебя заметно больше, чем три месяца назад. А язвительность свою лучше не показывай, помни – ты должен нравиться людям.

Он встает и начинает ходить по комнате, наверное, хочет сообщить мне что-то не очень приятное.

– Так, с хорошими новостями разобрались, перейдем к другим, которые тебя, возможно, не очень сильно обрадуют. Твоя встреча с родными будет снята на видео.

Я сижу просто ошеломленный. Догадаться о причинах такого решения не трудно:

– Они хотят включить эту съемку в свою передачу?

– Да, конечно.

Я, ничего не говоря, смотрю в пол. Воистину, не о такой встрече я мечтал. Меренков разрывает завесу тягостной тишины:

– Виктор, не молчи. Нам с тобой выбирать не приходится, ты уже должен был привыкнуть к атмосфере постоянной слежки – вон у вас сколько видеокамер по всей зоне.

– Да, но они же не транслируют свои записи по телевизору. А мои слезы должна увидеть вся страна?

– Да, Виктор и не одна. Подумай, ведь за все нужно платить. Ты ведь хочешь увидеть родных? СТЛ хочет представить зрителям этот эпизод, как попытку телеканала скрасить твоё заточение, уменьшить тоску и боль. Во время записи тебе, конечно, придется сказать несколько слов благодарности организаторам за гуманность, за способность сопереживать, за то, что сумели разбить стену твоего одиночества... – адвокат сделал неопределенный жест, стараясь подобрать правильные слова, потом махнул рукой и заключил. – Короче, необходимый текст они предоставят.

– У меня сильное желание отказаться исключительно из вредности.

– Нельзя. Сценаристы решили, что такой эпизод необходим. Это для них просто находка – и популярность шоу мгновенно подскочит и вся корпорация в глазах зрителя выиграет. Да, тебе неприятно, но я тебе в который раз повторяю – умей видеть выгоду. С родителями ты встретишься, а ведь раньше и мечтать об этом не смел.

Он прав. Я ждал встречи с ними со смешанными чувствами – с одной стороны, сильно тосковал, но с другой, свидание должно было стать прелюдией к казни. Теперь же появился

шанс увидеться с близкими людьми и не платить за это жизнью, по крайней мере, пока. Адвокат продолжил свой монолог:

– К тому же, это видео также плюс и к твоему имиджу. Зрители увидят не убийцу, а сына, человека, который любит и переживает, а слез в такой ситуации стыдится нечего.

– Про слезы я образно сказал.

– Ну и зря. Стоит посоветоваться с имиджмейкерами шоу, нам нужно, чтобы все выглядело как можно более естественно.

– Кому это вам? Вам и Гольцеву?

– Нет, Виктор. Нам – это мне и тебе. Похоже, твое отношение ко мне меняется не в лучшую сторону. Не кипятись, ты в первую очередь мой клиент и я защищаю твои интересы. Сейчас нам нужно идти на поводу у СТЛ, но мы добиваемся своей цели. Ты же использовал «Тристар», теперь мы возьмем свое и от их конкурентов. Да, я понимаю, нервы ни к черту, но нужно держаться и я тебе в этом помогу.

Он умолкает и смотрит на меня. Он прав, без его поддержки я бы давно, наверное, скатился в бездну отчаяния. Странно, мне легче жилось, когда я знал, что приговорен. Теперь, когда загорелся огонек надежды, когда каждый день мог принести какие-то изменения и нервы действительно были натянуты как струны, единственным бастионом спокойствия и стабильности оставался мой адвокат. Он находил в себе силы как решать мои проблемы, так и успокаивать мои нервные срывы.

– Простите, Ярослав Витальевич. Новости меня просто шокировали.

– Да ничего, я все понимаю. Сегодня можешь отдыхать. Родителям пока о возможной встрече ничего не сообщай – кто их разберет, этих продюсеров, вдруг передумают.

6. Кредиты

Возле знакомой лавочки я вижу только одного Серегу, остальные из нашей компании еще не подтянулись. Он поднимает голову, смотрит на меня и говорит:

– Привет. Ты про кредиты слышал?

– Привет. Нет, ты о чем?

Серега начинает ходить взад-вперед перед скамейкой, на которую я примостился. Видно, что он здорово возбужден.

– Смотри, Виктор, тут такое дело. В реалити-шоу каждую неделю будет выбывать один человек. Вылетит тот, за кого проголосует меньше всего людей. А голосовать будут СМС-сообщениями, звонками и еще как-то.

– Платными письмами. С электронной почты можно будет отправлять, – подсказываю я.

– Да, точно, спасибо. Так вот, – он шумно выдыхает и продолжает. – Голосовать можно неограниченное количество раз. То есть, можно самостоятельно набивать себе рейтинг. Тут один банк предлагает кредиты заключенным нашей тюрьмы для участия в этом шоу. Любой из нас вправе заключить такой договор и подавать за себя голоса.

Я поднимаю руку, пытаюсь привлечь его внимание. Он поворачивается ко мне.

– погоди, Серега, сядь – в ногах правды нет. Кредит ведь не дают просто так. Какой залог требует банк?

– Ну, ты можешь взять сумму от трех до десяти тысяч евро, соответственно в залог нужно оставить что-то ценное, стоимостью выше, чем заем у банка.

– Хорошо, так что ты собираешься заложить?

– Квартиру, – выдает он. – У меня же есть двухкомнатная хата, почти в центре города, от отца осталась. Я сегодня консультировался у сотрудника банка, им разрешили приходить для заключения договоров. Там с документами никаких проблем не будет, сказали, что кредит дадут за пятнадцать минут.

Я смотрю на него, просто ошеломленный.

– Серега, ты чего? Какой еще кредит? Сейчас только начинается отбор участников. Голосовать же будут в финальной части. А вдруг ты вообще отборочный тур не пройдешь, там же всего двенадцать человек в итоге останется.

Пока я это говорил, он сидел рядом со мной, а теперь снова вскакивает на ноги:

– Да, да, я знаю. Тут штука в том, что кредиты дают только сейчас. Банковские эксперты так и сказали, мол, кредитуют только в течение ближайшей недели, а потом все – лавочка закрывается. Ты понимаешь, какой шанс?

– Чего же не понять, шикарная возможность потерять квартиру. Такая не каждый день встречается.

– Да ну тебя, – он машет на меня рукой. – Ты не понимаешь.

Я начинаю злиться из-за его откровенной глупости:

– Серега, включи голову. Ну а если ты все-таки не пройдешь отбор, что тогда? Квартиру ведь заберут.

– Нет. Просто я погашу долг перед банком быстрее, сразу же расплачусь, как только вылечу! Там если рассчитываешься досрочно, переплата меньше.

Он, похоже, совсем перестал соображать. Впрочем, не мне его судить, достаточно вспомнить, какая в голове царил сумятица, когда я пытался уговорить Меренкова взяться за мое дело.

– Хорошо, ты успокойся. Подумай сам – взял, например, десять, а отдать нужно будет двенадцать. Где ты деньги на эту разницу возьмешь?

– Не знаю, не знаю! А вдруг я вообще не вылечу? А если пробьюсь в финал, тогда что? Тогда деньги будут не лишними.

Он нервно трет пальцами подбородок:

– Слушай, Виктор, у тебя сигареты нет?

– Ты нашел у кого спросить – я же не курил никогда, а ты, кстати, давно бросил. Ладно, зайдем с другого края. Допустим – ты победил, выбрался на волю, а дальше что? Работы нет, сбережений нет, зато судимость есть, еще и долг на шее висит неподъемным грузом. Ты где такие деньги достать собираешься? Кредит, как я понимаю, дают далеко не на десять лет.

Сергея угрюмо смотрит под ноги, потом пожимает плечами:

– Вырвусь на свободу, а там видно будет.

– Что там может быть видно?! Ты, может, клад планируешь найти? Или воровать пойдешь? Грабить? Так вернешься опять на «нары», только уже в роли матерого рецидивиста. Ну и ради чего старался?

– Да ладно тебе. Мне бы выйти отсюда, а там видно будет.

Я бессильно развожу руками:

– Ты опять за свое. Видно будет. Туманный у тебя план обогащения. А если ты покинешь гонку посреди шоу? Третьим или четвертым.

– А что тут думать? – говорит он. – Останусь в тюрьме.

– Да, но квартиру потеряешь, это уж как пить дать. Ты же не один собираешься с банком связываться. Наверняка многие сейчас клюнули на эту удочку, и каждый станет за себя голосовать. Ну и потом, шоу масштабное, зрителей просто до черта, думаю, твои СМС погоды не сделают. Они потеряются в общем потоке голосов. Не спеши. Банк не откажется давать кредиты в дальнейшем – это же их работа, они на этом зарабатывают.

И тут он взрывается:

– ДА БЛИН, ТЕБЕ ЛЕГКО ГОВОРИТЬ!!! ТЫ ЖЕ НЕ МОЖЕШЬ УЧАСТВОВАТЬ! А МНЕ ЕЩЕ ТРИ ГОДА ТУТ СИДЕТЬ, ЕСЛИ Я СЕЙЧАС НЕ ВЫРВУСЬ!

Я сижу и думаю о том, что Гольцев выбрал для меня очень интересную роль. Действительно, весьма любопытно наблюдать за этой гонкой со стороны. Шоу еще не началось, а эмоции уже бьют через край. Только надолго ли хватит нервов у будущих участников? Да, если сценарий будет составлен толково, то программа и в самом деле станет хитом. Мой собеседник слегка успокоился и продолжает уже заметно тише:

– Пойми, это такой шанс. Я не могу его упустить. Шанс начать жить заново. У меня ведь тоже ребенок есть, живет с бывшей женой, ты же знаешь.

Про себя я думаю, что его сын вряд ли будет благодарен отцу за потерю жилплощади, но благоразумно говорю о другом:

– Организаторы шоу – настоящие виртуозы своего дела. С названием попали в десятку.

Он непонимающе смотрит на меня:

– Ты о чем?

– Ты, Сергей, совсем в прострацию впал. Шоу называется «Второй Шанс».

– А ну да, ну да, – он кивает головой и задумчиво смотрит в сторону барачков. Оттуда к нам как раз подходят Антон и Стас. Пожимаем друг другу руки и Стас спрашивает:

– Серега, ты чего такой нервный?

– У меня что, руки трясутся? – резко отвечает тот. – Или ты у нас в медиумы подался?

Стас смеется:

– Будешь доказывать, что все нормально? Я к тебе только-только обратился, а ты уже вскипел. На самом деле это видно было издали – ходишь туда-сюда, как маятник, руками машешь, Витьку что-то доказываешь. Так что это с ним?

Этот вопрос уже адресован мне. Сказать, что Серега собирается отдать банку свою квартиру за бесценок? Ну уж нет, он и так как на иголках, поэтому я отвечаю:

– Чему ты удивляешься? Сам знаешь, какая тема у нас на зоне сейчас главенствует. Мы вот когда о спорте последний раз говорили? Теперь всех заботит только предстоящее шоу, вот и Серега все о том же беспокоится. Ты сам планируешь принять участие?

Серега тем временем выпросил сигарету у Антона. Они обсуждают что-то связанное с банковскими услугами, а Стас присаживается рядом со мной и согласно кивает головой:

– Да, а почему бы и нет. Здесь развлечений не густо, а так, даже если не выиграю, то хоть какое-то разнообразие.

– А ты бы хотел выиграть? – спрашиваю я.

– Конечно. Только я на этом не закикливаюсь. Досрочное освобождение – это заманчивая приманка, но если подчинить все мысли одной этой цели, то ты перестанешь видеть вообще все на свете. А если не дай бог не выиграешь, тогда что? Хрустальная мечта разбилась и жизнь потеряла смысл. Это не для меня. Повезет – выиграю, не повезет – так хоть повеселюсь.

– Эх, не азартный ты человек, такой никогда кредит не возьмет. Вон у Сергея спроси, что ему в банке предложили.

Стас искоса смотрит на Серегу, который увлеченно общается с Антоном и машет рукой:

– Успеется.

– Кстати, Стас, когда мы в «тренажерку» пойдем?

Стас долгое время занимался боксом и даже в тюрьме старался поддерживать себя в форме, а заодно и меня с собой звал. На ринге я был для него и учеником и спарринг-партнером. Он видел мою тягу к этому новому, еще незнакомому для меня искусству и потому долго и терпеливо учил премудростям кулачного боя. Наверное, индивидуальные занятия с тренером стоили бы на свободе весьма недешево.

– Да хоть завтра. Это от тебя зависит, я-то в любой день готов и хожу регулярно, а вот ты, лентяй, пропустил несколько занятий.

– Прости, наставник, я исправлюсь. Слушай, ко мне сегодня гости должны прийти по поводу предстоящих съемок, обещали много интересного рассказать, так что жди – на тренировку приду с новостями.

Мы еще некоторое время сидим, общаемся обо всем понемногу. Затем я прощаюсь и ухожу в камеру – ждать гостей.

Первым приходит адвокат:

– Привет, Виктор, ну что, как настроение? Готов вскоре начать раздавать автографы?

– Надеюсь, что вот этого мне делать и не придется. Да и кому их раздавать? Местный контингент смотрит на меня просто как на обычного человека. Признаюсь честно – я этим вполне доволен. Ну а наших будущих телезрителей вряд ли пустят на зону.

Меренков садится, смотрит на часы и говорит:

– Смотри вперед. Если ты отсюда выберешься, то автографы тебя уж точно не минуют, поэтому я и говорю – готовься.

– Вот именно. Ключевая фраза в вашем предложении – если выберусь.

– Мысли позитивно. Это одна из составляющих успеха. Ты не должен даже допускать, что вся наша кампания обречена на провал.

Практически сразу же в камеру заходит и Гольцев. Он подает руку мне, адвокату, затем садится, обводит комнату слегка усталым взглядом и говорит:

– Да, ну вот мы и дождались. Еще совсем чуть-чуть и проект будет запущен. Знали бы вы, сколько времени и сил я во все это вбухал. Виктор, у меня для тебя есть приятные новости. Ты повышен до звания ведущего нашей программы.

– Это и есть твои приятные новости?

– А что, разве ты не счастлив? – искренне недоумевает шоумен.

– А тебе не приходило в голову, что приглашая непрофессионала, ты здорово рискуешь? Не каждый может быть ведущим, а уж я и подавно. Опыт, харизма, приятный голос и хорошо

подвешенный язык – это, наверное, даже еще не половина нужных качеств. Где ты, интересно, все это у меня увидел?

Гольцев энергично затряс головой:

– Ты меня не понял. У нас будет двое ведущих. Первый из них – настоящий шоумен. Он мастер своего дела и за словом никогда в карман не полезет. Твоя же задача всего лишь мелькать рядом с ним. Мы еще отретепируем ваше сотрудничество. Включи компьютер, у меня есть интересное видео, думаю, вам понравится.

Гольцев достает из кармана флешку и протягивает ее мне. Я поворачиваюсь к компьютеру и мы все втроем дружно смотрим на экран. Флешка так и называется – «Второй Шанс». На мониторе начинает мелькать нарезка кадров: залы судебного заседания, какие-то люди, охранники, подсудимые. Затем все это сменяется фрагментами другого содержания: решетки, колючая проволока, лающие собаки, вышки и заборы, унылый асфальтированный серый двор, громко захлопывающаяся железная дверь. За кадром звучит голос, который говорит короткими, рублеными фразами: «Преступление. Всего одна ошибка. Раскаяние. Растерянность. Наказание. Осуждение. Тюремный срок. Страх. Тоска. Одиночество». Затем показывают хмурое, дождливое небо. Естественно, через решетку. Все это сменяется маленькой, не больше пяти лет, девочкой, которая говорит: «Я так хочу снова увидеть папу». На экране снова появляется железная дверь, она со скрипом открывается и за ней видна улица. Гуляют люди, бегают собаки, ездят машины и ярко светит солнце. А закадровый голос начинает петь совсем другие песни: «Шанс начать все сначала. Исправить ошибки. Надежда. Новая жизнь. Возвращение домой. Встреча с семьей. Второй шанс». Мы видим коротко стриженного мужчину, который подходит к девушке с коляской и она бросается ему на шею, к ним подбегает мальчик лет восьми и обнимает их обоих. Следующая сценка – к центральному входу нашей тюрьмы подъезжает микроавтобус с символикой Второго канала и СТЛ, из него выходит несколько человек, смело топают ко входу и стучатся в дверь. Их показывают со спины, а за кадром звучит комментарий: «Второй Национальный канал начинает беспрецедентный проект. Он хочет помочь выбраться на волю одному из заключенных этой тюрьмы. Наши журналисты готовы приложить максимум усилий, чтобы помочь человеку обрести свободу, но даже им не справиться без вашей поддержки. Только вы решите, кто же из конкурсантов получит долгожданное освобождение. Скоро на Втором Национальном. Подари второй шанс!». На весь экран вспыхивают буквы, повторяющие последнюю фразу, и на этом ролик заканчивается.

Гольцев с довольной миной откидывается в кресле. Судя по всему, он не сомневается в успехе своего детища. Он достает из портфеля бутылку с водой и пьет. Наверняка ждет каких-то бурных изъятий восторга с нашей стороны. Первым подает голос мой адвокат:

– Это, как я понимаю, первая реклама будущего шоу?

Гольцев кивает головой:

– Да. Ну и как вам наша работа?

Думаю, пришло время и мне что-то сказать:

– Журналисты ваши шли к дверям тюрьмы, как будто на штурм Бастилии. Можно подумать, что они собираются человека силой освободить и по ним сейчас огонь откроют, причем из пулеметов. Ну а в целом... Вы, конечно, постарались – ролик впечатляет. У меня один только вопрос – девочку, которая скучает за папой, вы где взяли? Малолетняя актриса?

– Нет, ну что ты. Никакой бутафории – это действительно дочка одного из эков твоей тюрьмы, – Гольцев забирает у меня флешку и прячет в карман. – Мы у многих дома побывали. А эта девчонка просто находка – милая такая, глазастая. Глядишь, лет через десять станет звездой и скажет спасибо дяде Вове за то, что он в свое время открыл ей дорогу на телевидение.

Я выключаю компьютер и спрашиваю:

– А мое присутствие на шоу пока не афишируется?

– Как не афишируется? Ты чего, Витя? – удивляется Гольцев. – Ты же гвоздь программы. Это всего лишь первая ласточка, а за ней последуют и другие. По телевизору будут крутить разные ролики. Один из них посвятим полностью тебе.

Тут подает голос и мой адвокат:

– А вот с этого места поподробнее, пожалуйста. У тебя есть при себе эта запись?

Гольцев молча качает головой, но Меренков не отстает:

– Владимир, что будет показано в рекламе про моего подзащитного и как это будет преподнесено?

– Если говорить в целом, то там речь идет о том, что Виктор Иванчук, последний в мире человек, осужденный на смертную казнь, очень хочет помочь кому-нибудь из заключенных уйти на волю. Но для этого ему нужна поддержка и голоса телезрителей.

Меренков неодобрительно качает головой:

– Нет, такой настрой никуда не годится. Я хочу, чтобы перед тем как эту рекламу пустят в эфир, ее показали мне. Ты же знаешь, нам нужно, чтобы у зрителей создалось хорошее впечатление о моем подзащитном.

Я сижу, слушаю их спор и про себя думаю, что не ошибся, когда решил обратиться к адвокату. Если бы не он, то шефы СТЛ, наверняка, вовсе бы не задумывались над тем, как я буду выглядеть в глазах телезрителей. А Гольцев, похоже, готов уступить:

– Хорошо, это вопрос решаемый. У вас, Ярослав Витальевич, свобода передвижений имеется, так что как только мы утвердим этот ролик, то я вам позвоню.

Они так увлеклись беседой, что на меня и вовсе перестали обращать внимание. Придется напомнить о себе.

– Вова, а ты слышал про кредиты? – перебиваю я их диалог.

Он непонимающим взглядом смотрит на меня. Похоже, такого вопроса он не ожидал.

– Какие еще кредиты? Ты о чем?

– Я думаю, что ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Один банк готов предоставлять кредиты заключенным для того, чтобы им было на какие деньги голосовать.

Гольцев равнодушно пожимает плечами:

– Ну а мне-то что? Отношения между банком и клиентами это их личное, я бы даже сказал, конфиденциальное дело. Почему бы не одалживать зэкам деньги, если кредитный отдел им доверяет.

Теперь уже Меренков уступает управление беседой нам, а сам просто сидит и слушает. Приходит моя очередь бомбардировать Гольцева вопросами:

– А тебе известно, что кредиты выдают сейчас, когда еще не ясно, кто вообще попадет на шоу? Кстати, по каким критериям вы будете отбирать конкурсантов?

Гольцев энергично кивает:

– Да, это одна из тем, которую нам предстоит обговорить. Ты и сам понимаешь, что матерые уголовники не смогут принять участие – слишком уж много грехов за душой. Досрочное освобождение для таких преступников вряд ли понравится общественности. В нашей программе в финале окажется двенадцать участников. Каждую неделю будет выбывать один из конкурсантов, пока не останется победитель. Вот он и получит свободу.

– Все это мне известно, не морочь голову. Я спросил про отборочный цикл.

– Нам нужно чтобы программа получилась разносторонняя и увлекательная, поэтому мы постараемся набрать людей, не похожих друг на друга. У них должны быть разные характеры, внешность, преступления и сроки заключения. Ну и, разумеется, предпочтение отдадим тем, у кого это первая отсидка.

– Ага, замечательно. Но ведь кредиты-то берут сейчас все подряд, в том числе и рецидивисты. Когда ваша компания сообщит им, что их право на второй шанс практически равняется нулю?

Меренков удивленно смотрит на меня. Видать, не ожидал, что я буду с таким упорством отстаивать интересы собратьев по несчастью. Гольцев качает головой:

– Нет, ничего такого мы им говорить не будем. И ты тоже не будешь, Виктор, – он внимательно смотрит мне в глаза, пытаясь понять, не собираюсь ли я возражать. – Научись концентрироваться на главном. Для тебя сейчас самое важное – это завоевать симпатии зрителей, вот об этом и думай, а разборку банка с должниками оставь тем, кого это действительно касается.

– Вот значит, как...

Я смотрю на адвоката, тот равнодушно пожимает плечами, как бы говоря, что лезть в это дело мне действительно не стоит.

Гольцев еще раз повторяет:

– Ты не должен говорить никому, что рецидивистов в финальной части почти не будет. Пускай берут кредиты, это их личное дело. А у тебя совсем другие цели. Ты у нас на контракте, не забывай об этом.

Слова звучат с явным нажимом – Гольцева, похоже, немного беспокоят мои слова. Возможно, он уже начинает жалеть, что так много мне сказал.

– Хорошо, подведу черту в разговоре о кредитах последним вопросом. Скажи, этот банк тоже принадлежит компании СТЛ?

– Я не интересуюсь вопросами собственности нашей корпорации. Ей много чего принадлежит, всего и не перечислишь. Моя область работы – телевидение, а не финансовая сфера, вот о телевидении я и думаю. А ты, Виктор, вообще смотришь на нас неправильно. Мы тебе, наверное, представляемся сборищем мерзавцев, которые только и смотрят где бы сделать окружающим какую-то гадость. Ты не хочешь видеть очевидных фактов. Наша компания делает людям добро. Реалити-шоу – это шанс начать новую жизнь для всех участников проекта. Кто-то выйдет на свободу раньше срока, кто-то засветится на телеэкране, а там глядишь и знаменитостью станет, кто-то просто получит какое-то развлечение в черед однообразных и серых будней. Последнее касается не только заключенных, но и зрителей. Мы раскрашиваем повседневность яркими красками и все окружающие нам благодарны, только ты постоянно ждешь подвоха. Те же кредиты – разве это не возможность стать победителем? Оформлять их силой никто не заставляет, люди сами этого хотят, а мы лишь даем им инструменты для реализации их желаний. Чем быстрее ты откроешь глаза и научишься смотреть на мир правильно, тем проще тебе будет жить. Запомни – мы даем людям то, что им нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.